МЕЛАНИ ГОЛДИНГ

МИЛЫЕ ДЕТКИ

ОНА ПОЙДЕТ НА ВСЕ, ТОЛЬКО БЫ СПАСТИ ИХ

Черная серия

Мелани Голдинг

Милые детки

Издательство «Синдбад»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445.13

Голдинг М.

Милые детки / М. Голдинг — Издательство «Синдбад», 2019 — (Черная серия)

ISBN 978-5-00131-344-1

Все вокруг — от лечащего врача до собственного мужа — считают, что Лорен все выдумала. Но она-то знает, что той ночью в ее послеродовую палату проникла незнакомая женщина и, повторяя: «Я возьму твоих, а ты возьми моих», попыталась похитить новорожденных Моргана и Райли. Лорен сумела запереться с близнецами в ванной комнате и вызвать полицию. Но полицейские не нашли никаких следов непрошеной гостьи. Месяц спустя, во время утренней прогулки, когда Лорен на минуту отвлеклась, коляска с близнецами пропала... Когда малышей находят, никто, кроме Лорен, не замечает, что с ними что-то не так. Во время всеобщего ликования она начинает кричать: «Где мои дети?!» Все решают, что Лорен тронулась умом. Все, кроме детектива Джоанны Харпер... Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445.13

ISBN 978-5-00131-344-1

© Голдинг М., 2019
© Издательство «Синдбад», 2019

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 19
Глава 5 24
Глава 6 28
Глава 7 32
Глава 8 37
Глава 9 42
Глава 10 46
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Мелани Голдинг
Милые детки

Памяти Эмбер Бакстер (в девичестве Финк)
1979–2012

Melanie Golding
LITTLE DARLINGS

Copyright © 2019 Melanie Golding
Published in the Russian language by arrangement with *Madeleine Milburn Ltd* and *The Van Lear Agency LLC*
Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2021

* * *

17 августа
Пик-Дистрикт, Великобритания

Детектив Джоанна Харпер стояла на виадуке в окружении других офицеров полиции. На дальнем берегу, по ту сторону гигантского водохранилища, у самой кромки воды замерла женщина, прижимая к себе мальчиков-близнецов.

Харпер повернулась к инспектору:

– Как отряд на той стороне? Близко подошли?

Густой лес стеной окружал крохотный клочок земли, на котором стояла женщина. Даже с этого расстояния Харпер видела, что ее ноги, изодранные колючками, алеют от крови.

– Недостаточно, – ответил Трапп. – Никак не могут к ней подобраться.

Над ними, пуская рябь по воде, с яростным грохотом пролетел вертолет, из громкоговорителей донеслась команда: «Отойдите от воды». Оглушительный и неумолимый, вертолет завис над крохотной фигуркой на берегу, но офицеры на борту ровным счетом ничего не могли поделать. Посадить вертолет было негде, не удавалось даже сбросить высоту до такого уровня, чтобы спуститься по тросу.

В бинокль Харпер увидела, как женщина рухнула на полосу засохшего прибрежного ила и осталась сидеть, обратив лицо к небу, крепко прижимая к себе младенцев. Может, она все-таки не станет этого делать?

В голове мелькнул обрывок воспоминания – та полусумасшедшая старуха, что сказала ей: «Надо их бросить в реку, если она хочет получить своих деток назад… окунуть и под водой подержать».

Женщина с близнецами уже не сидела на берегу. Она зашла в воду по колено и не думала останавливаться.

Детектив Харпер скинула ботинки и, взобравшись на ограждение, приготовилась нырять.

Глава 1

Это дочь не моя, чужая.
Я ей на ночь не стану петь,
На руках я ее не качаю,
Прижимая к груди, а ведь
Она в той же спит колыбели,
И мерцают в ее волосах,
Те же отблески божьего света,
Что у доченьки на небесах.
Джеймс Рассел Лоуэлл. Подменыш

13 июля
20:10

Она думала только о том, что боль наконец ушла. Вместе с болью за несколько волшебных секунд исчез и страх, и уверенность в том, что она умрет. Она едва не заснула, но тут перед ней возникло взволнованное лицо Патрика в одноразовой больничной шапочке, и она вспомнила: я ведь рожаю. Укол в позвоночник, который ей сделали, положил конец боли, но вот извлекать детей из ее утробы акушерскими щипцами только начинали, и все это еще могло плохо кончиться. Первый ребенок накрепко застрял в родовых путях. Поэтому, не позволив себе ускользнуть в манящий, теплый, обморочный кокон сна, – что было не так-то просто, ведь она не спала уже тридцать шесть часов, – Лорен попыталась сосредоточиться на происходящем.

Перед ней возникло лицо врача в маске, спущенной до подбородка. Губы на этом лице двигались, звучали какие-то слова, но одно с другим было как будто никак не связано. Это все препараты и усталость, мир вокруг замедлился. Лорен нахмурилась. Врач смотрела прямо на нее, но казалась такой далекой. Она же со мной говорит, подумала Лорен, надо слушать.

– Так, миссис Трантер, из-за анестезии вы не сможете почувствовать схватки, поэтому я буду говорить вам, когда тужиться, хорошо?

Лорен открыла рот, чтобы ответить, но врача уже не было рядом.

– Тужьтесь.

Потянули так сильно, что все ее тело заскользило вперед по кровати. Лорен сама не понимала, тужится она или нет. Она постаралась придать лицу выражение крайнего усердия и даже напрягла мышцы шеи, но тут где-то в голове раздался голос: а смысл? Если я не буду тужиться, как они узнают? Может, я просто немножко посплю?

Она закрыла глаза.

– Сейчас. Тужьтесь.

Потянули снова – и достали первого ребенка. Сонливость тут же рассеялась. Лорен открыла глаза, мир вокруг вернулся в фокус, все снова происходило с нормальной скоростью или даже чуть быстрее обычного. Она затаила дыхание в ожидании детского плача. Наконец услышав его – слабый, тонкий, пронзительный протест потревоженного существа, – заплакала и сама. Она так долго сдерживала слезы, что теперь казалось, будто текут они под напором, точно из крана. Патрик сжал ее руку.

– Дайте мне взглянуть, – сказала Лорен, и ребенка положили ей на грудь, но почему-то ножками к лицу, и кроме этих ножек, сложенных по-лягушачьи, и крохотной ручки, молотящей воздух, она ничего не увидела. Патрик склонился над ними обоими, вложил свой палец в маленькую ладошку ребенка и глядел на него, щурясь, точно на солнце, смеясь и плача одновременно.

– Разверните его ко мне, – попросила Лорен, но никто не отреагировал. Она едва почувствовала, как врач, велев ей тужиться, снова начала тянуть. Первого мальчика убрали и на его место положили второго.

На этот раз Лорен сама развернула малыша к себе. Качая ребенка на руках, она внимательно изучала его лицо, а он, сложив губы дудочкой, глядел на нее из-под полуприкрытых век задумчивыми глазами, в которых, казалось, и белков-то не было, только переливчатые темно-синие радужки. Генетически младенцы были абсолютно одинаковы, но Лорен и Патрик все равно надеялись, что они будут капельку отличаться друг от друга. Ведь это два отдельных человека. Два прелестных мальчика, подумала Лорен с несколько напускной веселостью. И тут же: а теперь можно я посплю? Никто же не заметит, правда?

– Райли, – произнес Патрик, одной рукой ласково коснувшись щеки Лорен, а другой – щечки ребенка. – Да?

Лорен показалось, что он слишком уж спешит. Ей хотелось отложить выбор имен на пару дней, чтобы как следует познакомиться с мальчиками. Это ведь так важно. Что, если они сделают неправильный выбор?

– Райли? – переспросила Лорен. – По-моему…

Патрик выпрямился, уже держа в руке телефон.

– А что насчет второго? Руперт?

Руперт? Этого имени даже в списке не было. Он как будто пытался под шумок подсунуть ей какие-то посторонние имена, рассчитывая, что, распростертая на кровати, накачанная лекарствами и наполовину парализованная анестезией, она согласится на что угодно. Нечестно.

– Нет, – сказала Лорен чуть громче, чем собиралась. – Это Морган.

Патрик нахмурился и бросил взгляд в сторону потенциального Моргана, которого осматривал педиатр.

– Серьезно? – Он спрятал телефон обратно в карман.

– Вам надолго оставаться нельзя, – сказала Патрику сестра-акушерка, когда Лорен наконец привезли в пустую палату, разделенную на части бирюзовыми шторками. Шторки сестра отдернула, чтобы не мешались. Лорен расстроилась – она надеялась, что можно будет еще немного побыть всем вместе, вчетвером, прежде чем мужа выгонят из палаты.

Из родильного зала они добирались туда ужасно долго, преодолели сотни метров коридора, если не тысячи. Патрик катил тележку с одним из близнецов, а медсестра толкала кровать, в которой лежала Лорен, державшая на руках второго. Под звон колесиков маленькая процессия в торжественном молчании двигалась по коридорам, залитым желтым электрическим светом. Сперва Лорен думала, что Патрику следовало бы предложить медсестре поменяться и самому покатить тяжелую кровать, но вслух этого говорить не стала, и к концу путешествия была рада, что смолчала. Когда добрались до палаты, стало ясно: сестра отлично знает, что делает. Ростом она была почти в два раза ниже Патрика, но перед последним поворотом налегла на каталку всем своим весом, и та, выписав лихой пируэт, идеально прошла в дверь палаты. Отточенным движением серфера, встающего на доску, сестра поднялась на подножку и последние несколько метров проехала по палате вместе с каталкой. С мягким «дзынь» изголовье кровати коснулось стены, и каталка остановилась, заняв положенное место в одном из четырех свободных отсеков – том, что у окна. Патрик наверняка потерял бы управление и врезался во что-нибудь дорогое.

– Ну вот и приехали, – торопливо бросила медсестра. Она заблокировала колесики кровати, а затем указала Патрику на часы на противоположной стене: – У вас пятнадцать минут.

Когда сестра удалилась, деловито скрипя резиновыми подошвами по полу, Лорен с Патриком уставились на младенцев.

– Это который у тебя? – спросил Патрик.

Лорен перевернула бирку, привязанную к тоненькому запястью спящего у нее на руках малыша, и прочитала надпись, сделанную синим маркером: «Мальчик Трантер № 1».

– Морган, – сказала она мужу.

Патрик склонился над тележкой, в которой лежал второй младенец. Позже все станут говорить, что близнецы невероятно похожи на отца, но в тот момент Лорен не увидела решительно никакого сходства между взрослым мужчиной и крохотным скукоженным комочком. Зато мальчики определенно были похожи друг на друга: две горошины из одного стручка, или, может, одна и та же горошина, дважды повторенная. У Райли было такое же сморщенное личико, как у брата, такие же длинные пальчики и неестественно гладкие ногти. Когда малыши зевали, их лица принимали совершенно одинаковые выражения. В родильном зале их зачем-то нарядили в одинаковые белые костюмчики, хотя Патрик и Лорен привезли с собой целую сумку детских вещей, и там было полно других цветов. Лорен думала одеть одного из них в желтое. Без бирок мальчиков было легко перепутать, никто бы даже не заметил. Что ж, слава богу, хоть бирки есть. Морган на руках у матери мотнул головой и приоткрыл глаза, а затем, под ее внимательным взглядом, медленно закрыл их снова.

Кроватку мальчикам выделили одну на двоих: прозрачный пластмассовый контейнер, прикрученный к металлическому основанию на колесиках. Внутрь был плотно втиснут жесткий матрас, а по обеим сторонам лежали два сложенных одеяльца с больничными штампами. Райли под присмотром Патрика дремал в кроватке, но ее форма совершенно для этого не подходила: он раскачивался на беспощадно плоском и твердом матрасе, точно мокрица на ладони, которая сворачивается в клубок, когда напугана. Патрик случайно задел кроватку, и Райли тут же вскинул в воздух маленькие ручки и ножки, на секунду принял форму пятиконечной звезды, а затем медленно свернулся обратно – так же медленно, как его братик на руках у Лорен закрывал глаза. Снова свернувшись калачиком, он затих и остался лежать, чуть кренясь на один бок. Кроватка для ребенка должна быть в форме чаши, как маленькое гнездышко. Почему об этом никто не подумал?

– Привет, Райли, – проговорил Патрик неестественно писклявым голосом и тут же выпрямился. – Странно звучит.

Лорен дотянулась до кроватки и осторожно, чтобы не раскачать комочек, лежащий внутри, подкатила ее к себе. Свободной рукой она укутала малыша и подоткнула одеяльце с обеих сторон, чтобы он уж точно никуда не укатился.

– Привет, Райли, – сказала она. – И правда, немного странно. Но мне кажется, это нормально. Мы привыкнем.

Лорен повернулась к ребенку, которого держала на руках:

– Привет, Морган.

Она все еще ждала, когда ее накроет волной любви. Той самой, ни на что не похожей, сумасшедшей любви, которая моментально вспыхивает в сердце, стоит детям появиться на свет, и о которой вечно болтают новоиспеченные родители. Лорен мечтала сама почувствовать эту любовь, и теперь переживала, что волна все никак не приходит.

Она передала Моргана Патрику, и он взял ребенка так, как в гостях берут старинную вазу, про которую хозяева как бы между прочим обмолвились, что стоит она дороже, чем весь дом: рад бы положить обратно от греха подальше, да не поймет куда. Лорен это насмешило и вместе с тем озадачило. Малыш, быть может почувствовав неуверенность отца, вдруг расплакался, и Патрик застыл с утрированным, почти карикатурным выражением ужаса на лице. Райли, проснувшись от крика Моргана, тоже заплакал.

– Положи его в кроватку, к братику, – сказала Лорен. Она задумалась о том, что близнецы всю свою недолгую жизнь провели бок о бок. Интересно, каково это и как повлияет на них? Предыдущие девять месяцев они росли в ее утробе, были рядом с ней каждую секунду каждого дня своего существования. И теперь Лорен испытывала сразу несколько противоречивых

чувств: облегчение, оттого что близнецы больше не живут у нее внутри, вину за это облегчение и, сильнее всего, чувство потери. Мальчики отдалились от нее на один шаг – первый шаг длинного пути, которым жизнь поведет их все дальше и дальше от матери. Неужто из этого и состоит любовь – из чувства вины, чувства потери? Быть не может.

Патрик положил пищащий сверток лицом к лицу с его копией, и – о, чудо – плач затих. Младенцы потянули крохотные ручки к головкам друг друга, Морган ухватил брата за ухо. Все было спокойно. Сверху они выглядели как мираж, игра воображения. Лорен прислушалась к своим ощущениям, но, увы, волна любви, похоже, задерживалась.

Ровно в девять грозная медсестра проскрипела подошвами обратно в палату, чтобы спровадить Патрика. Бедной Лорен, которая все еще не чувствовала ног и не могла сама передвигаться, предстояло остаться наедине с нуждами и желаниями двух новорожденных.

– Меня нельзя здесь одну бросать, – запротестовала она.

– Ему нельзя здесь оставаться, – веско возразила медсестра.

– Я вернусь, – сказал Патрик. – Утром. Сразу, как только начнут пускать. Не переживай.

Он поцеловал в макушку жену и обоих детей и поспешил прочь из палаты.

Глава 2

Когда Патрик ушел, Лорен осталась наедине с тишиной. Слезы ее высохли, она как будто замерла в ожидании надвигающегося хаоса. Но пока что младенцы спали. Сидя в кровати, она наблюдала за одинаковыми белыми свертками с недоверчивым трепетом: неужели это я произвела их на свет?

В больнице не было ни тихо, ни темно, хотя окна палаты уже превратились в черные зеркала. В собственном отражении вместо глаз Лорен увидела две зияющих дыры. Жуткое зрелище. Она отвернулась.

В воздухе вокруг нее висело сразу несколько разных звуков, сливавшихся в общий гул, неустойчивый диссонансный аккорд, требующий и не находящий разрешения. Она откинула голову на подушку и поняла, что одну из партий в общем хоре исполняет ее кровать, а подпевает ей чуть более низкий и звучный голос системы отопления. К ним присоединялось гудение прикроватной лампы; монотонное и обволакивающее, оно даже успокаивало. Лорен прикрыла глаза. Она все еще сидела в кровати, а лампа светила так ярко, что свет пробивался сквозь веки. Она глубоко вдохнула и выдохнула. Еще раз, два, три, четыре. Она чувствовала приближение долгожданного сна. Наконец-то.

Всхлип одного из младенцев прорезал ее зыбкую дремоту, точно удар током. Лорен заставила себя открыть глаза, но, моргая, каждый раз видела перед собой лишь темную паутину на красном фоне – узор капилляров ее век, отпечатавшийся на сетчатке. Она ударила рукой по абажуру лампы, и та с лязгом отвернулась в сторону.

Может, он опять уснет, подумала Лорен с отчаянной надеждой. Но всхлип Райли сначала превратился в «хнык», а затем в «хнык-хнык-хнык-аааааааа», и тут уже надо было что-то делать. Одного орущего младенца вполне достаточно.

Лорен подтянула тележку максимально близко к себе, но поняла, что все равно не может взять ребенка на руки. Ей приходилось упираться одной рукой, чтобы ее бесполезные онемевшие ноги не свалились с кровати. А чтобы взять ребенка, нужны обе руки: одна поддерживает голову, а другая – туловище, так ее учили. Тем временем Райли, широко раскрыв рот и зажмурившись, сучил ножками и тянул вверх руки: они молотили и хватали воздух, ища, но не находя опоры.

Лорен подумала о том, что до сих пор ее утроба защищала, согревала и кормила малышей, а теперь природа прогнала их из уютного теплого домика и вверила ее заботе. Ей это показалось ужасной несправедливостью. Зачем их вытащили наружу из ее чрева и бросили у нее на руках? Кто доверил ей одной спасать их от гибели, от поражений и разочарований жизни? Кого она вообще может спасти; мать, неспособная даже взять своего ребенка на руки, наполнить молоком его крохотный желудок? А ведь эта нехитрая задача теперь, будем честны, единственное ее предназначение в жизни.

Морган, услышав плач брата, заворочался. Пока еще спит, но это ненадолго. Лорен протянула руку, ухватилась за переднюю часть трикотажного комбинезона Райли и начала собирать ткань в кулак. Когда комбинезон натянулся достаточно, чтобы превратиться в тугой сверточек с ребенком внутри, вроде тех, что рисуют на картинках с аистами, Лорен, не дыша, подняла его одной рукой и переместила к себе на колени. Это заняло всего секунду, но она все равно ужасно волновалась из-за того, что его голова болталась без всякой поддержки на тоненькой гибкой шее. Только потом она вспомнила, что два часа назад, когда Райли вытаскивали из нее металлическими щипцами, его с силой тянули за голову с полной уверенностью, что эта шея, на вид такая тонкая и хрупкая, выдержит и вытянет следом за собой все его тело.

Пока Лорен пыталась покормить Райли, Морган совсем проснулся и тоже заплакал от голода. Она беспомощно слушала этот плач – неотключаемый сигнал тревоги, который пере-

давался напрямую в ее мозг и заполнял все доступное пространство, так что она могла думать лишь об одном: накормить, успокоить, сделать все, чтобы крик прекратился. Спустя несколько нервных и тревожных минут Лорен просунула мизинец в уголок рта Райли, чтобы отцепить его от груди. Одной рукой она с трудом положила его обратно в кроватку, чтобы тут же взять его голодного брата. На некоторое время воцарилась тишина, нарушаемая только чмоканьем маленьких губ: один ест, второй наблюдает. Но затем Райли вспомнил, что не закончил свою трапезу и по этой причине бесконечно несчастен.

Пока Лорен кормила одного, другой требовал, чтобы его покормили, и она все меняла их местами в этом сизифовом цикле, которому, вопреки ее надеждам, похоже, не было конца. Один раз она нажала на кнопку вызова помощи, но помогать явилась такая суровая и недовольная акушерка, что Лорен не решилась звонить снова. Время то тянулось, то ускорялось. Измученная, она то и дело проваливалась в беспокойный, некрепкий сон. Ее тело нуждалось в отдыхе и восстановлении после родов: целого дня схваток, долгой бессонной ночи и еще одного бесконечного дня. Но вместо отдыха случилась вот эта ночь: поднять, повернуть, накормить, положить, и так по кругу; по многу минут сидя в неудобных позах, отчего все тело ломит и ноет спина; едва ворочая отяжелевшими руками и мучаясь от боли в растрескавшихся, кровоточащих сосках, которые, едва подсохнут, пора снова совать в беспощадные тиски детских десен. В придачу закончилось действие анестезии, и ее изувеченный таз вспыхнул болью: там, где ее разрезали и зашили, там, где от натяжения произошли разрывы.

Лорен перестала понимать, спит ли вообще. Ей казалось, что нет, но стоило положить одного из младенцев обратно в кроватку и один раз моргнуть, как незаметно пролетал час.

Шторку, отделявшую ее кровать от соседней, задернули. Должно быть, медсестры привезли еще одну мамочку. Близнецы спокойно спали, лежа валетом, лицом друг к другу.

Лорен услышала, как по другую сторону шторки мать воркует с ребенком. Голос был низкий, звучал неразборчиво и отчего-то вызывал беспокойство. Лорен не могла понять, что с ним не так. Она прислушалась. Просто женщина бормочет какие-то пустяки своему ребенку – почему ее это встревожило? Ребенка тоже было слышно, но звуки он издавал какие-то птичьи, чирикал и попискивал, точно птенец, требующий кормежки. Затем послышался еще один звук, совсем другой, больше похожий на мяуканье котенка. Лорен позволила себе закрыть глаза и задремала. Ей снилась женщина, точнее старуха, с котенком и птенцом. Она была тощая и жилистая, а животных держала за загривок и кормила червяками из ведра. Обе руки у нее были заняты, поэтому червей она хватала своим длинным черным языком, по одному выуживала из подвижной ползучей массы и опускала одним концом в раскрытый птичий клюв или разинутую пасть котенка. Почувствовав прикосновение острых как иголки кошачьих зубов, червяк съеживался в тщетной попытке спастись, но тут же его вторая половина, соскользнув с языка старухи, оказывалась в клюве у птенца. Вцепившись в жирного червя, котенок и птенец разрывали его пополам и отворачивались друг от друга, пережевывая и жадно глотая, вынужденные довольствоваться одной половинкой. Пока они ели, старуха что-то рассказывала им настойчивым шепотом, передавала какое-то жизненно важное знание, но слов было не разобрать. Она внушала им, что надо запомнить все в точности, что от этого зависит их жизнь. Птенец и котенок в этом странном сне слушали, пока им хватало терпения, но в конце концов снова принимались пищать, потому что все еще были голодны. Их писк все меньше и меньше походил на животный: птичьи крики превратились в детский плач, вместо мяуканья послышалось тихое хныканье. Там, во сне, старуха заботливо качала птенца и котенка на руках, а они потихоньку преображались, приобретая человеческие черты, и в конце концов она положила в больничную кроватку двух младенцев, совершенно одинаковых.

Лорен резко открыла глаза. Сон рассеялся не сразу, ей показалось даже, что в воздухе витает какой-то звериный запах. Она тряхнула головой, чтобы отогнать тревожные видения. Не было слышно ни звука, за исключением дыхания ее мальчиков и едва различимого дыха-

ния чужих близнецов за шторкой. Да, близнецов. Лорен внезапно поняла, что у женщины на соседней кровати тоже близнецы. Она напрягла слух – сопели определенно два ребенка. Какое совпадение! Она так обрадовалась, что позабыла о сне. Ей хотелось взглянуть на них, но она при всем желании не смогла бы дотянуться до шторки. И потом, на дворе все еще ночь, придется подождать до утра. Надо же, две пары близнецов в один день. Наверное, для больницы это рекорд.

Обессилевшая от анестезии, неспособная даже выбраться из кровати, измученная, двое суток не спавшая, Лорен утешала сама себя: теперь, по крайней мере, будет с кем поговорить, теперь рядом есть человек, тоже прошедший через все это. Сквозь окно в палату заползали первые солнечные лучи, добавляя розоватый оттенок бело-желтому электрическому свету. За шторкой все стихло; должно быть, мама вторых близнецов заснула. Лорен снова закрыла глаза, но, как только ее веки сомкнулись, услышала тихий шелест – кто-то из ее детей заелозил щекой по больничным простыням, вертя головой из стороны в сторону в поисках груди. Она заставила себя открыть глаза, с трудом поднялась на подушках и, заранее предчувствуя боль в натруженных мышцах рук, в тысячный раз за ночь сжала ткань детского комбинезона.

Глава 3

О дитя, иди скорей
В край озер и камышей
За прекрасной феей вслед —
Ибо в мире столько горя,
Что другой дороги нет.
У. Б. Йейтс. Похищенный[1]

14 июля
Один день от роду
9:30

Медсестра резко отдернула шторку, и этот звук вырвал Лорен из сна. За шторкой ничего не оказалось, лишь пустое место, куда можно было поставить кровать-каталку.

Вроде бы только что прикрыла глаза между кормлениями, а мир прыгнул вперед аж на три часа. Солнце успело взойти и приняться за работу, электрические лампы тонули в утреннем свете, а палата преобразилась из пещеры в открытое пространство. Тремя этажами ниже под окнами виднелась парковка, а напротив – главный вход в отделение неотложной помощи. Небо затянуло молочно-серым, но день все равно будет жарким – как и все предыдущие дни этого июля. Это пока свежо, скоро опустится влажная духота. Жара стоит уже неделю и, кажется, бьет все температурные рекорды, а прогноз все не меняется.

Сестра наклонилась и отсоединила прозрачный мешок, наполненный желтой жидкостью, от трубки катетера, которая тянулась от Лорен вниз, под кровать. Бросив мешок в ведро, она достала новый такой же.

– А где женщина, которую привезли ночью? – спросила Лорен.

– Кто? Миссис Гуч? Вон та?

Отсек в противоположном углу был занят. Миссис Гуч, похоже, спала, под боком у нее безмятежно сопел младенец. Ее бледные голые руки, длинные рыжие волосы, живописно разметавшиеся по подушке, вызывали в памяти картины Густава Климта.

– Нет, не она. Мне показалось… Была уверена, что в соседнем отсеке кто-то есть.

Проснулся Райли. Ветряная мельница его маленьких ручонок пришла в движение и немедленно шлепнула по голове брата. Морган в первый момент удивленно открыл глаза, но тут же от горя зажмурился и широко раскрыл рот, готовый заявить протест против такой несправедливости. Повисла короткая пауза – Морган делал глубокий вдох, старательно наполняя легкие воздухом, который явно собирался употребить на что-то очень и очень громкое. Когда он наконец закричал, протяжно и прямо в лицо брату, крошечная мордашка Райли тут же скуксилась, и пришел его черед набирать в грудь воздуха. Скорбные завывания зазвучали с удвоенной силой. За несколько секунд возмущенное крещендо достигло своего пика и моментально, как острые ножницы прорезают бумагу, оборвало ход мыслей Лорен. Она замахала руками, совершенно не понимая, что делать, с чего начать, кого из них выбрать. Двое плачущих детей на нее одну. Лорен знала, что нужно действовать быстро, она так много читала о расстройстве привязанности, о повышенном уровне кортизола у малышей в утробе и в первые месяцы после рождения. Нельзя игнорировать плач. Это вредит детям и сильно влияет на развитие мозга, последствия могут быть самые ужасные. А мальчики уже совсем разбушевались.

– Вы можете мне помочь? – обратилась Лорен к медсестре, чувствуя, как ее глаза наполняются слезами. – Пожалуйста.

---

[1] Пер. Г. Кружкова.

– А вот этого не надо, моя лапочка. – Медсестра вытащила из коробки у кровати три тонкие бумажные салфетки и сунула их в руку Лорен, а затем повернулась, чтобы поднять Моргана – крошечное существо с побагровевшим от ярости лицом, из широко раскрытого рта которого вырывался звук, вызывавший острое желание заткнуть уши. – Тут и без вас довольно плакальщиков.

– Простите, – сказала Лорен. Она вытерла глаза, высморкалась и достала грудь, приготовившись кормить. – Не знаю, что со мной такое.

На то, чтобы подключить близнецов к источнику питания, у медсестры ушло, кажется, меньше тридцати секунд. Она направляла тело Лорен, приподнимала ее груди, помогла принять позу, позволявшую кормить обоих детей одновременно – по одному в каждой руке, точно два мяча для регби, – и подложила под руки подушки, чтобы не приходилось держать их навесу. Действовала она так ловко, быстро и методично, что Лорен задумалась, как это вообще делают без посторонней помощи.

– Ну вот, как у Христа за пазухой.

Медсестра уже собралась уходить, но Лорен окликнула ее.

– А у той женщины тоже близнецы? – спросила она.

Миссис Гуч открыла глаза. Она выглядела свежей и какой-то неправдоподобной, будто спящая красавица. Едва договорив, Лорен поняла, что в этой идиллии есть место только одному ребенку. Маленький Гуч лежал под боком у матери, и ничто не указывало на существование второго.

– Нет, – ответила медсестра. – У нее один. С близнецами у нас сейчас только вы.

Патрик принес вегетарианские суши, фрукты и горький шоколад.

– Спасибо, – буркнула Лорен, не чувствуя особой благодарности. Ей хотелось тостов – самых обычных, из простого белого хлеба.

– Тебе нужно что-то питательное, – сказал Патрик.

Лорен выпятила губу. Она заслужила право есть что хочет.

– Любая еда питательная. Сахар питательный. И алкоголь тоже.

– Ладно-ладно, госпожа всезнайка. В любом случае нужны витамины. Чего тебе хочется? Могу зайти в супермаркет и после обеда принести что-нибудь другое. Может, авокадо?

При мысли об авокадо Лорен затошнило. Хотелось чипсов.

Патрик сфотографировал ее со спящими детьми на руках и на мгновение повернул к ней экран телефона. На фото она выглядела одновременно истощенной и отекшей. Улыбка вымученная, волосы грязные.

– Только не выкладывай никуда. Выгляжу ужасно.

Патрик поднял глаза от экрана.

– Ой, а я уже.

Посыпались уведомления о новых комментариях. Он снова повернул телефон, чтобы Лорен тоже могла прочитать.

Поздравляю!
Рада, что все в порядке!!
Надеюсь скоро вас увижу!
Какие красивыеееее!!!
Класс ребята так держать поскорее бы поглядеть на пацанов! Целую!!

Потом они поменялись местами: Патрик уселся в кресло у кровати и взял на руки близнецов, а Лорен его сфотографировала. Он выглядел совершенно как обычно. Казался немного уставшим, точно после легкого похмелья, но в целом был похож на себя. Некоторое время назад он чуть-чуть похудел, самую малость, но их общие друзья без конца твердили, как пре-

красно он теперь выглядит. И где справедливость? Родителями стали оба, но пожертвовать ради этого своим телом пришлось только ей.

Патрик положил малышей обратно в кроватку, бережно, но без лишнего трепета. В первый вечер он трясся над ними так, будто это были не дети, а две тикающие бомбы, но теперь уже обращался с ними скорее как со спелыми фруктами, которые страшно помять. Он опустился в кресло, но продолжал одной рукой перебирать маленькие детские пальчики, робко напевая какие-то полузабытые песенки.

– Туда-сюда по огороду… хм-хм… водят хороводы… Кто там водит хороводы?

– Мишки, – подсказала Лорен.

– Разве?

– Мне кажется, да.

Она вспомнила, как мать водила пальцем по ее собственной ладошке, произнося эти слова, и почти испытала то детское радостное предвкушение, с которым ждала следующей строчки: *туда топочут, сюда топочут и как защекочут!* В памяти всплыли другие песенки: Джек и Джилл, Джорджи Порджи, дрозд, который клюнет в нос, – точно приоткрылась крышка давно забытой шкатулки с сокровищами. Лорен об этих сокровищах уже и думать забыла, а меж тем они все это время хранились у нее в памяти, ждали своего часа – когда их снова извлекут на свет божий и передадут дальше по цепочке поколений.

– Мишки? – недоверчиво повторил Патрик. – Но это же бессмыслица.

Лорен тоже потянулась к детской кроватке. Погладив Моргана по щеке, она несколько мгновений ощущала совершенное умиротворение. Какая же это простая радость – чувствовать, как крохотная ручонка хватает тебя за палец.

– Они дышат? – спросил Патрик.

Внезапный приступ паники.

– Конечно дышат.

Правда ведь? Они оба напряженно уставились на детей, но определить было трудно. Тогда Лорен пощекотала их, одного за другим, и те в унисон расплакались. Два таких похожих голоса, сплетенные в один, точно две цепочки молекулы ДНК, закрученные в единую спираль.

– Да, они дышат.

Лорен и Патрик одновременно рассмеялись, нервно, с облегчением, будто едва не случилось нечто невыразимо чудовищное, но, так как оно не случилось, никто из них не мог с точностью сказать, что именно это было. Земля уходила у них из-под ног, все менялось. Какой она будет, их новая жизнь?

Пришел анестезиолог, чтобы осмотреть Лорен. Потыкал в ее отекшие лодыжки белой пластиковой указкой, попросил свесить ноги с кровати и молоточком проверил рефлексы. Чувствительность полностью восстановилась. Какое же это облегчение – больше не быть наполовину парализованной.

– Вы уже можете вставать, – сказал врач. – Скоро придет медсестра и снимет катетер.

А вот катетера будет не хватать. Месяцами Лорен приходилось подниматься по семь-восемь раз за ночь, чтобы опустошить мочевой пузырь, сдавленный двумя растущими в ней младенцами. Ей даже нравилось, что с катетером об этом можно вообще не думать. Приятно ради разнообразия не чувствовать себя заложницей собственного организма и неконтролируемых процессов, которые в нем происходят.

– Когда мне можно будет поехать домой?

В палате стояла такая жара, что Лорен обливалась потом, а лодыжки все сильней отекали, кожа на них натянулась и залоснилась. Зачем вообще включать отопление летом? Тем более что лета жарче этого в Шеффилде не видели последние лет сорок. Помимо всего прочего, это же совершенно бессмысленная трата денег.

Анестезиолог пролистал свои записи.

– Ну, я смогу спокойно вас отпустить после того, как вы опорожните кишечник. Перистальтика пока может быть ослаблена, но…

– Что-что может быть ослаблено?

– Кишечная перистальтика. – Врач терпеливо улыбнулся.

Лорен поняла, что имеется в виду, но термин был ей незнаком. В своей прошлой, бездетной, жизни она занималась изготовлением садовых фигур, и про перистальтику ей нечасто приходилось слышать. Никто не являлся к ней с просьбой смастерить бетонный памятник кишечной перистальтике с фонтанчиком, который можно было бы поместить в садовый пруд.

Удивительным образом, несмотря на то что разговор шел о катетерах и испражнениях, Лорен наслаждалась беседой с врачом, его спокойной и уверенной манерой держаться, а когда он ушел, даже расстроилась, что снова оказалась замкнута в герметичном пространстве своей маленькой ячейки общества, этой идеальной четверки. Заметив, как мечтательно Лорен проводила врача взглядом, Патрик тихонько присвистнул.

– Что? – спросила она.

– Я думал, тебе высокие мужчины нравятся.

Лорен мрачно рассмеялась. Она снова вспомнила тот момент, когда анестезиолог, одним уколом прогнав боль, навсегда поселился в ее сердце, снискав себе уважение, благодарность и капельку девчачьего обожания.

– Вам сейчас надо встать и походить, убедиться, что все нормально.

Внезапность этого предложения несколько задела Лорен – с тех пор как ее избавили от катетера, прошло от силы минут десять. Только что лежала, беспомощная и прикованная к постели, и вот уже гонят маршировать по палате – в темпе, раз-два-три. Она последние двадцать часов вообще ногами не пользовалась. Им нужно время, чтобы прийти в себя. Ни самой Лорен, ни отдельным частям ее тела не нравилось, когда их принуждали действовать, не дав времени на подготовку.

Она опустила босые ступни на холодный линолеум, ощущая подошвами все шероховатости. Медсестра взяла ее под руку, жестом указав Патрику, чтобы помог с другой стороны.

– О господи, – выдохнул он, когда Лорен встала.

Она обернулась. По белой простыне растеклась лужа крови, красное солнце, шириной почти во всю кровать. Прямо японский флаг, подумала Лорен, и тут же почувствовала, как ручейки побежали вниз по бедрам – красно-черные, обжигающие, точно страх.

После родов Лорен была уверена, что ничего ужаснее быть не может. Но в этот раз, уже под конец, врачи решили, что без зажимов не обойтись, и, спрятавшись за завесой анестезии и хирургических простыней, начали вытворять с ней нечто еще более чудовищное. Она не видела и не чувствовала и малой доли того, что с ней делали. Где же тот милый анестезиолог теперь, когда какой-то посторонний тип, с виду медицинский работник (но ведь он может запросто оказаться вообще никем, громилой с улицы, на которого нацепили белый халат, откуда ей знать?) сует в нее руку чуть не по локоть и сжимает, сжимает матку, чтобы остановить кровотечение. Внутри одна рука, обтянутая синим латексом («Перчатки, мистер Симонс?» – «А размер L есть?» – о господи!), вторая давит сверху, утопая в мягкой, рыхлой массе, в которую после родов превратился ее опустевший живот.

– Постарайтесь просто дышать, – сказал этот тип (хочется верить, что все-таки врач), выглядел он заметно старше Лорен. – Сейчас не должно быть очень больно. Скажите, если станет совсем невозможно терпеть.

– Совсем невозможно терпеть, хватит, перестаньте.

Тип (или все-таки врач) не перестал. Медсестра прижала к лицу Лорен маску с закисью азота. Закусив мундштук маски, Лорен пробормотала сквозь стиснутые зубы:

– Пожалуйста, хватит.

Врач, покряхтывая от напряжения, ответил:

– Попытайтесь расслабиться, если можете. Кровотечение почти остановилось, но еще несколько минут нужно потерпеть. Дышите глубже и попробуйте расслабить ноги.

– Ой, – сказала медсестра, и в эту же секунду Лорен обожгло резкой болью, мгновенно отодвинувшей на второй план все остальное: ее плоть, натянутая вокруг руки врача, разошлась, точно молния на слишком тугом платье. – Опять швы накладывать.

– Пожалуйста… – Лорен всхлипнула, но по-настоящему заплакать у нее недостало сил. – Пожалуйста, я не могу больше. Так больно…

Беспощадная рука шевельнулась внутри. Лорен вскрикнула.

– Еще одну минутку.

И она молча терпела сколько могла, вопреки собственным инстинктам неспособная ни бить, ни бежать – только замереть и позволить чужой руке грубо сжимать сокровенные части ее тела, которых сама она никогда не сможет ни увидеть, ни потрогать. Рука не просто находилась внутри, она точно прошила тело насквозь, проникла неестественно глубоко, куда глубже, чем казалось возможным и необходимым. Лорен чувствовала себя пульсирующим куском мяса, пронизанным сеткой докучливых нервных окончаний и распаянных артерий. Этот кусок мяса ни на что больше не был способен, в нем не осталось ни тайн, ни загадок. Природа разобрала ее на части и свела к сумме этих частей, затем то же с ней проделал человек, затем снова природа и вот опять человек – перебрасываются ею, точно волейбольным мячиком. Куда же в этом кошмарном водовороте пропала Лорен? Та самая Лорен, которой она считала себя когда-то? Умная, веселая, невозмутимая. Где она? Спряталась. Забилась в самый дальний уголок сознания, оставив лишь примитивный, управляемый одними инстинктами осколок себя справляться с происходящим ужасом и травмой. Диссоциация – это слово мантрой раздавалось среди ее внутренней пустоты, пока врач с нарочитой осторожностью вытаскивал руку, медсестра убирала маску от лица, пронзала иглой для капельницы вену на тыльной стороне ладони, такой бледной, что Лорен едва признала в ней свою. Она чувствовала себя бесформенной, бессильной, раздавленной – неодушевленный сгусток боли, страдания и шока.

Патрик ждал в палате. Пытаясь успокоить орущих близнецов, он время от времени совал кончик пальца в рот то одному, то другому.

– Ты меня так напугала, – сказал он, и лишь из-за того, что его взрослый низкий голос чуть выделялся на фоне пронзительных криков детей, Лорен удалось расслышать его слова.

Детский плач заполнял ее сознание белым шумом, думать не получалось. Она попыталась сформулировать хотя бы одно законченное предложение, и речевые центры ее мозга заработали на полную мощность, преодолевая невероятное сопротивление более примитивных его частей, успевших на операционном столе завладеть ею полностью.

– Ты просто испугался, что останешься один с этими двоими.

Патрик посмотрел на нее глазами, затянутыми глянцевой пеленой слез.

– Ну да, – сказал он. – И это тоже.

Акушерка тотчас принялась обкладывать Лорен подушками, чтобы та могла покормить младенцев.

– Вам сейчас надо кормить как можно больше, – сказала она. – Это помогает матке сокращаться.

«Кормить как можно больше, – подумала Лорен. – Ну да, а то раньше я только и делала, что отлынивала».

Как только акушерка сунула по соску в рот каждому из близнецов, Патрик отвернулся. Сперва суетился вокруг, отыскивая мелочь для торгового автомата, а затем и вовсе вышел,

чтобы купить чаю себе и Лорен. Когда вернулся, сестра уже ушла. Он сел рядом, взял журнал, но так и не открыл его. Руки у него дрожали.

– Уже шесть часов, – сказал он.

– Точно, – ответила Лорен.

– Я пойду, пока меня опять не начали выпроваживать.

– Я уверена, они не будут против, если ты чуть-чуть задержишься.

– Ладно. – Патрик шумно втянул носом воздух. Лорен ждала, что он скажет дальше. – Но мне еще надо зайти в магазин и все такое.

Лорен хотела, чтобы он забрал ее домой и позаботился о ней. Он так сделал однажды, когда они только начали встречаться. Лорен всего второй раз оставалась у него, и вдруг среди ночи у нее дико разболелся живот – видимо, отравилась едой, взятой навынос. Утром Патрик мужественно настоял, чтобы она никуда не уезжала, пока не почувствует себя лучше. Лорен не хотела оставаться – это было самое начало их отношений, и они еще старались произвести друг на друга впечатление. Вели себя вежливо, ни один из них еще не слышал, как другой пукает. А тут она целую неделю блевала почти не переставая и бегала в туалет по-большому по десять раз на дню. Думала: «Ну, если уж это его не отпугнет…» И это его не отпугнуло. Он постелил себе в гостиной на диване и ухаживал за ней, ни на что не жалуясь. И все же уже тогда было заметно, что забота о других – не из числа его естественных наклонностей. Дважды или трижды, когда он случайно заходил в туалет сразу после Лорен, она слышала, как его выворачивает от запаха. И уже тогда готовил он с неохотой, которую даже не пытался скрыть (позже Лорен узнала, что к плите он всегда встает скрепя сердце), и раздраженно хмыкал, если она просила сделать хоть что-нибудь чуть-чуть иначе, чем он привык. Но тогда это не имело особого значения, она в любом случае целую неделю почти не ела. Она полюбила его лишь сильнее: за все, что он делал, за все усилия, которые прилагал, чтобы с собой справиться. Это служило неоспоримым доказательством его любви.

Увы, готовность к самопожертвованию легко угасает, если с самого начала это дается с трудом. Может исчезнуть внезапно и в одночасье, как с обрыва падают: забочусь, забочусь, забочусь, ой, устал, долго ты там еще планируешь болеть? Должно быть, в ту неделю Патрик израсходовал всю свою заботу. Ее недомогания в первые месяцы беременности, казалось, вызывали у него больше раздражения, чем сочувствия. Но она нашла способ справляться и с этим: просто перечисляла про себя все его хорошие качества между приступами рвоты.

Патрик поерзал в кресле, затем посмотрел в телефон и встал. Он поцеловал всех троих в макушку, каждый поцелуй сопроводив признанием в любви.

– Пока-пока, Райли, люблю тебя. Пока-пока, Морган, люблю тебя. – Новые имена уже не звучали так странно, но все равно казались как-то не к месту. – Пока-пока, мамочка, тебя тоже люблю.

Слово «мамочка» резануло слух. Лишь спустя пару мгновений Лорен сообразила, что Патрик имел в виду ее.

Сделав пару шагов к выходу, он обернулся и вяло помахал рукой:

– Увидимся утром.

Он зарабатывает достаточно, чтобы я могла не работать, думала Лорен. Мама его любила, когда была еще жива. Он веселый. У него много друзей. Он очень красивый, как раз в моем вкусе.

Держа по сыну у каждой груди, она наблюдала, как растворяются в воздухе последние завитки пара над чаем, стынущим в коричневом пластиковом стакане на прикроватной тумбочке. Солнце, осветив последними лучами парковку, утонуло за горизонтом, но электрический свет в палате сдерживал надвигающуюся тьму. Дом представлялся Лорен какой-то отдельной страной, в которую она, возможно, никогда больше не вернется.

Глава 4

За окном стемнело, и младенцы, будто угадав наступление ночи, немедленно проснулись.

«Спи, когда они спят» – так говорили все: и медсестра, и Патрик, и даже свекровь, без конца твердившая об этом еще до родов. Спи, когда они спят, – звучит легко и для непрошеного совета вполне разумно. «Я бы так и делала, если б могла», – думала Лорен. Да только они же спали весь день, с перерывами на поорать и поесть. А теперь, когда проснулись, так хочется понаблюдать, как они исследуют самих себя и друг друга, как нащупывают границы своего маленького мирка, но веки уже тяжелеют, в висках стучит. Лорен понимала, что, стоит закрыть глаза, ее тут же утянет в бездну, но чувствовала, что не имеет права засыпать, что ее долг – не спать вместе с детьми. Это чувство долга и боль поначалу помогали не провалиться в сон. Ее ободранные соски саднили, а боль в матке лишь слегка приглушила таблетка, смесь кодеина и парацетамола, которую она беспечно проглотила, хоть это и грозило более долгим заточением в больнице («Уверена? Солнышко, от нее может быть запор»).

Кряхтение и сопение переросли в плач, и Лорен в первый раз взялась кормить обоих детей одновременно без помощи акушерки, одной рукой придерживая первого, другой пристраивая второго. Райли, который был поменьше брата, никак не мог начать сосать, и Лорен дважды пришлось тянуться к нему рукой через Моргана, мизинцем отцеплять от соска и перекладывать по-другому. Она не смотрела на часы – стоило бросить на них взгляд, и время растягивалось до бесконечности. Близнецы все сосали и сосали, Лорен начала уже думать, что так и просидит всю ночь, но тут они по очереди оторвались от груди, как поспевшие сливы от ветки, и она переложила их, спящих, обратно в кроватку. Тут же глаза ее закрылись, мозг отключился, тело обмякло. Она вроде бы заснула, но все же какая-то часть ее оставалась настороже, любой шорох вырывал из сна. Жалкое подобие отдыха, но, увы, лучшее, что она могла себе позволить.

Позже ее разбудила тишина. Почему так тихо? Почему не слышно ни звука? Она что-то сделала не так? Дети дышат? Задыхаются? Умерли? Лорен положила ладони на щуплые грудки младенцев, надеясь почувствовать, как те поднимаются и опадают, надеясь услышать звук, с которым воздух втягивается в легкие, уловить хоть какие-то признаки жизни. В резком свете лампы под ее ладонями младенцы дышали и шевелились. Они были живы.

Пульс Лорен постепенно пришел в норму. Она думала обо всех, кто сошел бы с ума от горя, случись что с близнецами. Ее собственная бабушка, мать Патрика, отцы обоих. Родная сестра Патрика Рути и двоюродные Санни и Дейзи. Она думала о похоронах, о том, что не вынесла бы этого сама и не смогла бы видеть, как страдает Патрик. Неужели это и есть любовь – этот жуткий страх, что они умрут? Возможно. Лорен лежала с открытыми глазами, не в силах отогнать мелькающие в воображении жуткие картины. Вот она роняет ребенка на пол головой вниз. Вот попадает в аварию, а дети с ней в машине. Вот она отвернулась всего на мгновение, а тем временем малыш задохнулся, не сумев убрать с лица одноразовый пакет для подгузника. Так просто, так быстро. И ведь все это с кем-то случалось на самом деле, так правда бывает. Ей действительно есть чего бояться. Лорен смотрела на детей, стараясь запечатлеть их в памяти, уже таких непохожих друг на друга: Райли во сне недовольно хмурится, Морган спит без задних ног, сытый и спокойный. Она думала: я никогда этого не забуду.

Младенцы спали. *Спи, пока они спят*. Лорен хотела понаблюдать за ними, убедиться, что они дышат, но вместо этого мгновенно, будто по щелчку, отключилась.

Ей снова приснились птенец и котенок, и она очнулась перепуганная, вся в холодном поту. Как долго она спала? Неизвестно. Шторка, отделявшая ее кровать от соседней, снова была задернута, и там, за шторкой, совершенно точно кто-то был, еще одна женщина. Внутри горела лампа, против света четко обозначался силуэт, неестественно длинная тень, достававшая до самого потолка. Нарушив тишину, скрипучий голос затянул незнакомую песню.

По отцовой земле она долго блуждала,
По отцовой земле она долго блуждала,
Ой да малюток прелестных она повстречала.
Положите меня на склоне холма,
На зеленом холме упокоюсь я.

У этой женщины было двое детей, Лорен точно знала. Она слышала, как дети кряхтят и агукают, будто подпевая странной колыбельной.

И сказала она, кабы были моими,
И сказала она, кабы были моими,
Ой да я б вас в шелка и парчу нарядила.
Положите меня на склоне холма,
На зеленом холме упокоюсь я.

Лорен захотелось в туалет, так резко и сильно, что она поднялась, пожалуй, чуть быстрее, чем было способно ее тело. Едва свесив ноги с кровати, она встала и сразу почувствовала, как подгибаются колени. Пришлось опереться обеими руками на изножье кровати и несколько секунд постоять, проверяя себя. Идти она могла, хоть и слегка пошатываясь. Кровавого солнца на простынях в этот раз не было. Мышцы ее промежности, зашитые-перезашитые, вроде пока держались, и она потихоньку отцепилась от кровати, позволяя ногам принять на себя вес тела. Она наклонилась проверить детей в кроватке и почувствовала на щеке дыхание обоих, легкое, точно взмах перышком. Кровь отлила от головы, хлынула к ногам, и пол заходил ходуном, точно палуба корабля. Лорен замерла, пережидая это чувство.

На часах 4:17. Окна – черные зеркала.

И достала она острый нож перочинный,
И достала она острый нож перочинный,
Ой да острым ножом два сердечка пронзила.
Положите меня на склоне холма,
На зеленом холме упокоюсь я.

Может, попросить ее перестать? Как бы миссис Гуч не разбудила. К тому же песня жуткая, от слов мурашки по коже, да и мелодия какая-то странная: печальная и злая одновременно. Лорен поначалу обрадовалась, что в палате есть еще одна женщина с близнецами, но теперь сомневалась, что сможет подружиться с кем-то, кто совершенно не думает о других.

Штора была задернута со всех сторон, скрывая соседку от посторонних глаз. В одном углу остался небольшой просвет, и Лорен, раздвинув шторы чуть пошире, заглянула внутрь. В глаза ударил свет лампы, направленной прямо на нее, пришлось прислонить ладонь козырьком ко лбу, чтобы совсем не ослепнуть.

– Простите, – сказала она.

Женщина не ответила, лишь продолжила напевать свою чудну́ю старомодную песню. Лорен подала голос снова, на этот раз чуть громче:

– Простите?

Кровати внутри не было, лишь бледно-зеленое кресло с виниловой обивкой, точно такое же, как в отсеке Лорен и во всех остальных. В нем женщина и сидела. Пустой отсек был ей как будто великоват, без кровати в нем оставалось слишком много свободного места, и прямоугольник пола, отделявший ее от Лорен, казался непреодолимым, шириной с целую реку.

Женщина сидела в кресле сгорбившись, уперев локти в колени, и смотрела вниз, в большую корзину-переноску, стоявшую у ее ног, босых и настолько грязных, что их силуэты чернели на фоне больничного пола. Неряшливые лохмотья, бывшие когда-то платьем, длинными, тонкими пальцами тянулись по ее ногам, к полу, бахромой свисали вокруг корзины. Из-за бьющего в глаза света Лорен не могла разглядеть, что внутри, но хорошо слышала доносившееся оттуда прерывистое, хрипловатое дыхание и недовольный ропот – два, определенно два, тоненьких голоса. Лорен шагнула внутрь, чтобы взглянуть на детей поближе, скорее из любопытства, чем по какой-то другой причине. Было ясно, что этой женщине тут не место, что она, судя по всему, бездомная. Одета в несколько слоев, хотя в больнице жарко как в духовке. Но стоило подойти ближе, и Лорен пробрал озноб. Она неожиданно поняла, что больничная сорочка совсем не греет, почувствовала, как холодный воздух окутывает ее голые ноги, пробирается под тонкую ткань, и обхватила себя руками, пытаясь сохранить хоть немного тепла. Видно, где-то совсем рядом включен кондиционер. Воздух был влажный, промозглый, пах рыбой и тиной – это, скорее всего, от бездомной. Лорен почувствовала, что ее заметили, но женщина так и не двинулась с места, зато снова затянула свою жуткую песню.

Она мертвых малюток с собой не взяла,
Она мертвых малюток с собой не взяла,
Ой да алая кровь по ладоням текла.
Положите меня на склоне холма,
На зеленом холме…

– Послушайте, не хочу показаться невежливой, но, может, вы перестанете петь? Пожалуйста. Вы же всех перебудите.

Женщина с резким вздохом умолкла и отвернулась от корзины. Лорен уловила тоненький жалобный звук – сперва еле слышный, еще один непримечательный голос среди больничного гула, – он становился все громче, но доносился не снаружи, а изнутри, зарождался прямо у нее в голове. Беги, говорил ей этот голос. Уходи, спасайся, прямо сейчас. Но ее ноги будто налились свинцом и приросли к полу.

Прошло немало времени, прежде чем женщина подняла глаза, и, когда их взгляды наконец встретились, Лорен прошиб холодный пот. Такое молодое лицо, лет на восемь или даже десять моложе ее самой, а глаза древней старухи. На голове колтуны – бывают такие волосы, Лорен по себе знала, которые сбиваются и спутываются, едва отложишь расческу. Лицо чумазое. Увы, образ юной замарашки, которая под слоем грязи могла бы даже оказаться красавицей, стоит только отмыть хорошенько, рассыпался, едва она открыла рот. Зубов у нее, похоже, не было, язык зловеще, по-змеиному, мелькал в черной пропасти за пухлыми, но обветренными и растрескавшимися губами. Было что-то странное в том, как она разглядывала Лорен. Что ей нужно?

– У тебя двойня, – сказала женщина.

– Да. – Ответ вырвался у Лорен почти против воли, точно кашель, и она немедленно захотела взять его обратно.

– Дааа… – протянула женщина. – Близнецы… Как и у меня. Только твои заколдованные.

Лорен не нашлась что ответить. Лишь вытаращилась на нее с разинутым ртом и, даже осознав это, все равно не смогла отвести взгляда.

– Мои тоже заколдованные, – сказала женщина, – но не так. На моих дурное колдовство, проклятие. А вам повезло, тебе и твоим. У нас вот отродясь ничего не было, последнее отобрали.

Ей явно в жизни пришлось несладко. А эти малютки в корзине, что за судьба их ждет? Кто-то же, наверное, может помочь? Есть специальные благотворительные организации, в

конце концов, у каждого человека должен быть доступ к помощи. Пусть ей хотя бы одежду новую выдадут. И с волосами надо что-то сделать, они слишком длинные, все свалялись, висят как собачьи хвосты, явно кишат паразитами. Это просто вредно для здоровья.

– Мне так жаль, – сказала Лорен. – Хотите, позову кого-нибудь, чтобы вам помогли?

Женщина поднялась, обошла корзину и сделала несколько шагов вперед. Запахи – гниющих растений, мокрой глины, речного ила – сразу усилились, сделалось заметно холоднее, точно сама она и была источником холода. Корзина так и осталась стоять, скрытая за ее спиной, и Лорен не могла заглянуть внутрь. Женщина подошла совсем близко и заговорила тихо, почти шепотом, тихим, свистящим, в котором больше было дыхания, чем голоса:

– Никто мне не может помочь. Теперь уж нет. Было время, да прошло, а сейчас никакие помощники меня не достанут – и не только время им помешает.

Она сделала крохотный шажок в сторону, и Лорен наконец разглядела, что корзина доверху заполнена каким-то тряпьем, драными лоскутами толстой серой ткани, среди которых не видно было ни детского личика, ни даже ручки или ножки. Оставалось надеяться, что детям хотя бы есть чем дышать.

– Может, соцслужбы вам помогут найти жилье? – сказала она. – Не бросят же вас одну, без всякой помощи, так нельзя.

– Тогда была одна, и теперь буду одна. Какая разница?

– Но как же малыши?

Они обе посмотрели на корзину. Что-то зашевелилось в ее темных недрах, заваленных ветошью. В это же мгновение за шторой чихнул один из сыновей Лорен, и к ней моментально вернулась способность двигаться.

– Простите, мне надо идти, там мой малыш проснулся.

Она выскочила наружу, прочь от этой жуткой нищенки, в сухую теплую палату.

– Твой малыш, – повторил сиплый голос у нее за спиной.

В одно мгновение женщина преодолела разделявшее их расстояние и схватила Лорен за запястье своей цепкой, костлявой рукой. Держала она крепко, с удивительной для тщедушной бродяжки силой, и быстро втащила Лорен обратно, не обращая внимания на ее жалкие попытки отбиться.

– Давай договоримся, – зашипела она. – Разве это по-честному? Тебе досталось все, а у нас и то, что было, отняли. Давай поменяемся?

– Что?..

– Отдай мне одного из своих. Я о нем позабочусь. А ты возьмешь моего, будешь растить как родного. Хоть один пусть попробует настоящей жизни, чтоб все на блюдечке. Вот так будет по-честному.

– Вы совсем с ума сошли? С чего я стану отдавать ребенка чужому человеку? Вам самой-то как такое в голову пришло?

Лорен все пыталась высвободиться, их сплетенные руки то вздымались, то опадали, точно штормовые волны. Мертвая хватка, не стряхнуть. Она чувствовала, как цепкие лапы тянут, царапают, ранят ее кожу, омерзительные ногти оставляют ссадины, в которые наверняка попадет зараза, будет воспаление, может быть, даже останутся шрамы.

– Отцепись от меня, – процедила она сквозь сжатые зубы. Укусила бы эту мерзкую оборванку за палец, да слишком уж противно.

– Выбери одного, – настаивала та. – Выбери одного, или заберу обоих. Я возьму твоих, а ты возьми моего. Да ты и разницы не заметишь, сделаю так, что с виду не отличишь. Возьмешь одного – будет честно. А если двоих – так это уж по справедливости.

Из уст Лорен вырвался крик. Он шел откуда-то из глубины, из самого ядра ее сущности, где таились все ее желания, вся сила. В этом звуке воплотились чаяния самых сокровенных уголков ее души, ее страх, и материнский инстинкт, желание защитить своих детей, и безгра-

ничная любовь к ним. Она закричала прямо в перекошенное лицо оборванки инстинктивно, не думая, почти по-звериному, и тем не менее крик этот принял форму человеческой речи, сложился в короткое слово: нет!

Этот крик освободил ее руку из тисков цепких лап, она бросилась к кроватке, в которой лежали ее дети, схватила обоих и опрометью ринулась в ванную. Дверь она захлопнула за собой и резко дернула ручку, запираясь изнутри.

Глава 5

15 июля
Полицейский участок
7:15

Джо Харпер оставила свой белый «фиат-пунто» на подземной парковке. Других машин почти не было: тут и там припаркованы несколько гражданских, у дальней стены замерли, выстроившись в ряд, патрульные. Прохладный утренний воздух спустился на парковку следом за «фиатом», облизнул голые коленки и локти Харпер, и она, поплотнее обхватив себя руками, поспешила к дверям. Ранним утром ее выбор одежды мог показаться несколько опрометчивым, но она знала, что к полудню, мотаясь по вызовам под палящим солнцем, не раз скажет себе спасибо за хлопковую юбку до колен и рубашку с коротким рукавом.

Зайдя в лифт, она ввела четырехзначный код безопасности. Система, как обычно, среагировала не сразу, пришлось подождать. В воздухе стоял запах ее солнцезащитного крема и маслянистая гаражная вонь парковки. Наконец раздался длинный сигнал, двери лифта захлопнулись, и уже в следующую секунду она шагнула в участок.

Дежурный сержант за стойкой поднял глаза:

– Доброе утро, Харпер. Я смотрю, опять заявилась спозаранку.

– Не «заявилась спозаранку», – ответила Джо, едва заметно улыбнувшись, – а проявила усердие и профессионализм, Грегсон. И ты как-нибудь попробуй.

– Ха-ха. Я ведь тоже уже на месте, нет?

– Ну а как иначе? Что бы мы без тебя делали? Пришлось бы как минимум поставить автоматическую дверь.

Филу Грегсону было около пятидесяти, но годы его не пощадили. Или, может, это он сам себя не щадил. В любом случае он был старше Харпер всего лет на десять или двенадцать, но внешне легко мог сойти за ее отца.

– А это еще что такое, прости господи? – Он перегнулся через стойку и указал на обувку Харпер.

Она пошевелила пальцами ног.

– Кроссовки.

– Какие ж это кроссовки? Это перчатки. Резиновые перчатки для ног. Ничего чуднее в жизни не видел.

– Они классные. В них удобнее бегать, нога двигается свободно, видишь? – Она снова пошевелила пальцами.

– Фу, прекрати. Если Трапп это увидит – надает по шее.

Харпер поджала губы. Она понимала, что кроссовки с пальцами немного не вписываются в полицейский дресс-код, и захватила с собой еще одну пару обуви, чтобы переобуться перед тем, как придет начальник. Но пока была возможность, ей хотелось походить «босиком». Считалось, что это улучшает технику бега: через пару недель она собиралась участвовать в соревнованиях по триатлону – половинная дистанция «Железного человека», семьдесят миль.

– В них, между прочим, и плавать можно.

– Подумать только, как интересно, – сказал Грег-сон и нарочито зевнул.

Время, проведенное на открытом воздухе, без сомнения, добавило лицу Джо Харпер морщин, но тело ее оставалось стройным и сильным, в отличие от Грегсона, который, казалось, постепенно прирастал к своему креслу на колесиках. Генетика, конечно, тоже сыграла свою роль: от матери Харпер унаследовала красивые высокие скулы, от отца – волосы, которые отказывались седеть. В те времена, когда она еще думала, что ей нравятся только мужчины, вполне могла переспать и с кем-нибудь постарше и поседее Грегсона, но сам Грегсон вызывал в

ней лишь приступы дочерней нежности: хотелось его подстричь, накормить салатом и напоить мятным чаем, взять с собой на прогулку, а после убедиться, что он вовремя лег спать. Узнай он обо всем этом, наверняка бы страшно обиделся. Бедный старый Грегсон с его медленно расползающейся талией, которую сдерживал лишь широкий полицейский ремень, с его лысиной, на которую он стыдливо зачесывал волосы, специально для этой цели отпущенные до мочек ушей. Рубашки бы ему носить на размер побольше. Может, даже на два.

Харпер налила себе мерзкого кофе в кружку с дурацкой шуточкой про собак, дно которой, разумеется, тут же пристало к липкой столешнице. Кухонька была одна на весь участок, и кроме Харпер ею пользовались еще сто с лишним полицейских, ни один из которых, похоже, не догадывался, зачем существуют кухонные тряпки. Кружка резко дернулась, отлепившись от стола, и кофе плеснул через край, ошпарив Харпер руку. Она чертыхалась вслух всю дорогу до рабочего стола, но ее никто не слышал – в такую рань в участке еще было пусто, стояла тишина, которая ей так нравилась. Она отхлебнула кофе и скривилась – слишком горячо, затем включила компьютер и принялась, как обычно, просматривать ночные происшествия. Строго говоря, в ее обязанности это не входило, зато вошло в привычку – вроде как способ поотлынивать от обычной работы, но не просто так, а с пользой: иногда ей попадалось что-нибудь эдакое, интересный случай, вносивший разнообразие в поток рутины, которую спихивало на нее руководство.

Список происшествий за прошлую ночь выглядел как обычно. Между двумя и тремя часами ночи дважды звонили пожаловаться на шумных соседей. Трижды звонили пьяные: один хотел вызвать такси, но перепутал номер, второй потерял приятелей в ночном клубе и без поисково-спасательного отряда ну никак не мог их отыскать, но вот третий, набравшийся почти до невменяемости, действительно обратился с экстренным вызовом: на друга напали, он упал на землю и, кажется, перестал дышать. В таких случаях очень многое зависит от диспетчера: когда звонят пьяные, бывает ужасно сложно отличить ложный вызов от настоящего. Кроме пьяниц, как всегда, звонили всякие идиоты (иногда еще и под градусом – что не упрощало диспетчеру жизнь). Кто-то позвонил сообщить, что кот не вернулся домой, еще кто-то пожаловался, что его вынудили заваривать чай самому, хотя очередь была не его.

Некоторые обращения были смешными, но большинство – вполне серьезными. Обычный человек с ходу и не расшифровал бы этот список – колонки текста на невнятном полицейском жаргоне, испещренные кодами происшествий, датами, цифрами. Но у Харпер глаз был наметан выхватывать из череды дурацких звонков настоящие человеческие трагедии: безжизненные, казенные слепки моментов, когда люди осознают, что у них недостанет сил справиться с тем, что на них надвигается. Настоящие крики о помощи.

Ее внимание привлекла запись вверху самой последней страницы. Рано утром из Королевской больницы поступил звонок с мобильного телефона. Обращению присвоили четвертый, самый низкий приоритет – посчитали, что вызов ложный, но в описании говорилось, что речь идет о «попытке похищения детей», поэтому Харпер открыла файл. Чем дальше она читала, тем сильнее учащалось ее дыхание.

> Время: 04:29.
>
> Форма обращения: 999 звонок с мобильного телефона
>
> Данные заявителя: Лорен Трантер, адрес (не удалось получить информацию)
>
> Детали происшествия: зарег. инф. о незаконном проникновении на территорию род. отделения Королевской больницы, нападение с причинением вреда здоровью, попытка похищения новорожд. близнецов. Заявитель укрывается в санузле, дети с заявителем, злоумышленник совершает попытки взлома двери.

Классификация обращения при поступлении: 1 (экстренное)

Действие: охрана больницы оповещена о происшествии по телефону
Действие: на место происшествия направлена патрульная машина (ожидаемое время в пути 16 минут)

Время: 04:44: звонок от охраны больницы: ложный вызов: передан в СПП
Действие: патруль отозван по рации
Классификация обращения: 4 (никаких действий не требуется)

СПП – это служба психиатрической помощи. Выходит, обратившейся женщине, матери близнецов, что-то померещилось. Люди с психическими нарушениями нередко звонят в полицию, и почти всегда их обращения оказываются «переданы в СПП». Как будто бы все в порядке. Да, наверное, диспетчер правильно присвоил четвертый приоритет. Харпер вернулась на главный экран, пролистала список до конца: пьяницы, идиоты, ДТП. Ее внимания больше ничего не привлекло. Она навела мышь на красный крестик в углу окна. Ей еще тренинг сегодня вести, пора бы уже взяться за презентацию.

Но она не закрыла страницу с происшествиями и не открыла *PowerPoint*, как должна была. Звонок из больницы не давал покоя. Тяжелый сгусток страха осел где-то в желудке и никуда не девался, как она ни старалась отмахнуться от этой истории, убедить себя, что все это ерунда. Между строк на экране она считывала животный ужас матери, ее непоколебимую уверенность в том, что кто-то хочет похитить детей, навсегда разлучить ее с ними, и при мысли об этом никак не могла унять собственную тревогу. Она машинально дотронулась до низа живота, где кожа так до конца и не подтянулась, несмотря на накачанный пресс.

Пожалуй, стоит просто самой убедиться, что там ничего страшного, и можно будет наконец забыть об этом и взяться за работу. Один звонок, и душа спокойна. Харпер набрала номер больничной охраны.

Когда она представилась, парень на другом конце провода явно занервничал.

– Нет-нет, ничего страшного, мэм. Та женщина в ванной в родильном? Да она просто трипанула неудачно.

– Она что, была на галлюциногенных препаратах? – спросила Харпер, напустив строгости.

– Да нет! Нет-нет! Она просто это… ну как сказать… немножко кровлей отъехала.

– Она немножко… что?

Это короткое «что» она произнесла негромко, но с нарочитым непониманием, ясно давая понять охраннику – звали его Дейв, – что лучше бы сию минуту очистить свою речь от дурацких, устаревших и оскорбительных фразочек и по-человечески объяснить, что все-таки произошло. Она умела втиснуть поразительно много смысла в одно коротенькое слово и, честно говоря, была в тот момент весьма довольна собой.

– Послушайте, офицер… э-э-э… мэм, я ваще-то не особо понял, что случилось.

Дейв затараторил: мол, «ваши» позвонили, сообщили, что кто-то проник в палату, пришлось туда рвануть по-быстрому.

– Я не понял, как кто-то мог проникнуть, там ведь дверь запертая, и по камерам я никого не видел. Я со всех ног дернул, это от моего кабинета милю бежать или типа того. Добежал за пять минут.

Пять минут. Триатлонист внутри Харпер не мог не отметить, что результат неплохой, если, конечно, правда, – но что ж теперь, может, еще медаль ему вручить? К тому же уверения Дейва, будто он ничего не видел по камерам, Харпер не слишком впечатлили. Он явно был на нервах, заметно дергался. Так и тянет предположить, что на самом деле он сладко спал,

когда поступил звонок от диспетчера, хотя его работа – быть наготове на случай таких вот происшествий.

Добежав до места, Дейв ничего не обнаружил. Просто «какая-то сумасшедшая тетка заперлась в ванной». Никаких тебе злоумышленников.

– Тогда я перезвонил вашим и сказал, что делать тут нечего, пусть психиатры разбираются. Мне сказали, вам передадут и вызов отменят. Не передали, что ли?

– Все передали. Я просто хотела уточнить кое-какие подробности, – сказала Харпер.

Она попросила Дейва сохранить записи с камер видеонаблюдения на диск и пообещала заехать за ними в течение дня.

– Блин, у меня смена заканчивается через час, я уже почти уходить собирался…

– Дейв, я прошу по-хорошему. Пожалуйста.

Просить по-хорошему она тоже всегда умела. Дейв неохотно капитулировал.

Итак, охранник утверждает, что ничего не случилось. Никто никуда не проникал и не пытался похитить ничьих детей. Тем не менее тревога, засевшая внутри, никуда не делась. Если уж ехать в больницу за диском, то, может, заодно поговорить там с кем-нибудь? Ну, не прямо сейчас, конечно. Куда спешить? Можно подождать до обеденного перерыва.

Харпер взглянула на стопку материалов, которые подготовила для тренинга, затем снова на отчет, все еще открытый на экране. С другой стороны, подумала она, когда, если не сейчас?

Встав из-за стола, за которым успела просидеть от силы минут пятнадцать, Харпер направилась к выходу. Мерзкий и невыносимо горячий кофе в нелепой кружке так и остался стыть в одиночестве – к ее возвращению он определенно успеет стать невыносимо холодным.

– Что, Харпер, уже наработалась? Не очень-то надолго хватило твоего усердия, – сказал Грегсон, нажимая на кнопку, чтобы выпустить ее из здания.

– Ой, отвали, Грегсон.

Он подмигнул, она в ответ изобразила рвотные позывы. В лифте, как и в первый раз, пришлось подождать – тот же длинный сигнал, двери закрылись, двери открылись, – и вот она снова на парковке.

Глава 6

Вход в родильное отделение оказался заперт. Харпер позвонила в домофон. Какое-то время ничего не происходило, и она уже собиралась позвонить еще раз, но стоило поднести палец к кнопке, как послышались помехи и суровый голос гавкнул: «Да?»

Она сообщила свое имя и звание, ее молча впустили.

Длинный, залитый резким светом коридор вел к главному посту медсестер, позади которого виднелись входы в несколько палат – на четыре-шесть кроватей каждая, все полупустые. Внутри новоиспеченные мамочки сидели в креслах, некоторые спали. Мимо, сжимая в руках розовую косметичку в цветочек, тихонько прошел мужчина с мутным от недосыпа взглядом и отсутствующим выражением лица.

В помещении стоял детский плач и резкий запах антисептиков. Потолки казались ужасно низкими, было душновато, а от ламп дневного света у Харпер разболелась голова. На долю секунды она мыслями перенеслась в другое родильное отделение, где сама лежала когда-то, давным-давно, – в прошлой жизни, которая теперь уже казалась чужой.

Ей было почти четырнадцать, когда она узнала, что беременна. Делать аборт к тому моменту было уже поздно. Родители пришли в ужас, но все же поддерживали как могли. Новорожденная девочка осталась в семье, ее удочерили родители Харпер, много лет безуспешно пытавшиеся зачать второго ребенка. Ее «сестре» Руби сейчас было двадцать шесть. От Руби истории ее появления на свет не скрывали, но все же предпочитали придерживаться легенды: мама, папа, две дочки – самая обычная с виду семья. Лишний раз обо всем этом не упоминали, и, в общем, неплохо друг с другом ладили. Старые раны не оставили шрамов – так, по крайней мере, казалось Харпер. Сама она держала эти воспоминания под замком, в дальнем уголке подсознания, и лишь вот в такие моменты они порой возвращались к ней. Она вспомнила то родильное отделение – целая палата на нее одну. Вспомнила муки родов и добрые глаза медсестер, что заботились о ней. Она очень старалась забыть того мальчика, в которого была влюблена и которого потеряла безвозвратно, едва рассказав ему о ребенке. Его совсем еще детское лицо, такое отчужденное, его отречение. Она вспомнила, как мать впервые взяла новорожденную девочку на руки, сколько любви и благодарности было в ее взгляде. Харпер всю жизнь пыталась забыть свой первый непроизвольный порыв: схватить дочку и убежать далеко-далеко – туда, где она сама смогла бы быть ей матерью, а не сестрой, не старшим ребенком в семье.

Харпер одернула себя. Сделав глубокий вдох, она затолкала всплывшие на поверхность воспоминания обратно в дальний угол подсознания, где им и место, и снова заперла на замок.

Она подошла к большой полукруглой стойке, за которой сидела женщина в медицинской форме, и показала удостоверение, заодно обратив внимание на бейджик у нее на груди: «Антея Мэллисон, акушерка».

– Да?

То же резкое «да», что прорвалось сквозь помехи домофонного динамика.

– Я по поводу Лорен Трантер, – сказала Харпер.

– Третья палата, кровать С, – ответила Антея.

Если свое «да» она произнесла с восходящей интонацией вопроса, то окончание ее ответа, «кровать С», обрушилось вниз с безапелляционной завершенностью: Антея Мэллисон, акушерка, свое дело сделала. И даже взгляда от монитора не оторвала.

Из третьей палаты вышел мужчина в серой рубашке. Он прямиком направился к выходу и не сводил глаз с дверей, всем своим видом давая понять, что очень торопится. Харпер преградила ему путь.

– Прошу прощения, – сказал мужчина, имея в виду «уйдите с дороги».

На шее у него болтался бейджик, и, прежде чем он шагнул в сторону, пытаясь протиснуться мимо, Харпер успела выхватить слово «психиатр». Она тоже сделала шаг в сторону, точно в парном танце, и, снова заступив ему дорогу, выставила перед собой удостоверение:

– Здравствуйте, я детектив Харпер. Я вас надолго не задержу. Представитесь?

Про себя она подумала: его один твой вид раздражает. И он явно устал. Очень сильно устал.

– Доктор Джилл, дежурный психиатр. Я, к сожалению, только что получил срочный вызов, и мне правда нужно идти, прошу прощения.

Были времена, лет десять назад, когда, глядя на изящную фигуру Харпер и ее светлые, небрежно собранные в хвост волосы, люди частенько говорили, мол, полиция молодеет с каждым днем. С годами подобные комментарии звучали все реже, пока не прекратились совсем. Харпер задумалась, что бы это все могло значить: мало того что ей перестали говорить, как молодо она выглядит для своей профессии, так вот еще и врач – вполне взрослый, надо думать, квалифицированный специалист – с ее точки зрения выглядит лет на двенадцать.

Доктор Джилл предпринял еще одну попытку протиснуться мимо, но Харпер снова преградила ему путь. Доктор досадливо вздохнул.

– Не беспокойтесь, я правда не отниму у вас много времени, – заверила она. – Сегодня утром в службу спасения звонила пациентка из вашей больницы, миссис Трантер. Вы можете что-нибудь рассказать об этом?

– Да. – Доктор Джилл, судя по всему, обрадовался, решив, что сможет отделаться быстрым ответом. – Там требовалась помощь врачей, не полиции. Я рассчитывал, что вам об этом сообщат.

– Сообщили, но не предоставили никаких подробностей.

– И не должны были, такой порядок. Это конфиденциальная информация. Могу только сказать, что у пациентки случилось небольшое, временное, психическое расстройство, и в этом состоянии она позвонила на 999.

– То есть никакого злоумышленника не было?

На лице доктора промелькнула тень раздражения, но в следующую секунду профессиональная вежливость взяла свое. Он и в самом деле очень устал.

– Понимаете, пациенты, с которыми мне приходится работать, довольно часто видят то, чего нет. И многие из них звонят в полицию, потому что уверены в правдивости своих галлюцинаций. Удивительно, что вы с подобным не сталкивались.

Харпер внимательно посмотрела на этого мальчика-врача, задаваясь вопросом, насколько старше надо стать, чтобы с тобой перестали разговаривать свысока. Хотя, может быть, в этом-то все и дело? Может, в свои тридцать девять она уже кажется ему древней старушкой в маразме?

– Я могу с ней поговорить?

Доктор Джилл пожал плечами, давая понять, что не возражает. В кармане у него что-то завибрировало, он достал небольшое устройство и взглянул на экран.

– Слушайте, мне правда надо идти. Разговаривайте сколько угодно, ее кровать слева у окна. Она сейчас немного сонная, мы ей дали успокоительное, чтобы пришла в себя. Но говорить ей это не помешает. Хотя вряд ли вы узнаете что-то, что может заинтересовать полицию.

Когда он ушел, Харпер открыла блокнот и сделала запись: «Доктор Джилл, настроен скептически. 8:07, Королевская больница».

В некоторых подразделениях полицейским выдавали специальные устройства с приложениями для заметок, но все равно ничто не могло сравниться с бумажным блокнотом. Записи на бумаге можно в любой момент хоть сжечь, если понадобится. А из компьютеров и телефонов сейчас ничего нельзя удалить полностью, и это, с одной стороны, упрощает полиции жизнь, а

с другой – усложняет, в зависимости от того, на чьей ты стороне и есть ли тебе что скрывать. Ей, конечно, скрывать обычно нечего, но приятно же иметь такую возможность.

Палата была разделена на четыре отсека, но кровати стояли лишь в двух. В отсеке А лежала рыжеволосая мать с ребенком, еще более рыжим, чем она сама. В отсеке С, в противоположном углу у окна, на кровати сидела женщина с двумя спящими младенцами на руках. На вид ей было чуть меньше тридцати, кожа слегка смугловатая, на пальце серебряное обручальное кольцо. Волосы темные, очень кудрявые, до плеч. Рост и вес в сидячем положении определить трудно, но с виду телосложение нормальное, ростом, быть может, чуть выше среднего. Лицо ее выглядело застывшим и безучастным. У обоих младенцев волосы светлые, хоть и кудрявые, и кожа светлее, чем у матери. Один в зеленом трикотажном комбинезоне, другой – в желтом.

Одета миссис Трантер была в больничную сорочку, сквозь повязку на левом запястье проступило пятнышко крови. Между стеной и кроватью стоял открытый чемодан, содержимое частично высыпалось на пол: детские вещи, подгузники, женская одежда – видимо, ее собственная. Детей она переодела, а сама осталась в чем была.

Что-то в ее лице напомнило Харпер фотографию матери в молодости: большие, затуманенные грустью глаза, мягкий отрешенный взгляд в пространство.

– Лорен Трантер? – ласково произнесла Харпер.

Женщина медленно повернулась на звук. Прошло несколько секунд, прежде чем она сумела сфокусировать взгляд, и, похоже, это стоило ей изрядных усилий. Ее веки вяло опустились, затем поднялись снова – медленное моргание человека, накачанного лекарствами.

– Да.

– Меня зовут Джо Харпер, я из полиции. Я бы хотела поговорить с вами о том, что случилось ночью.

– Ой… – Взгляд Лорен плавно переместился на младенца в желтом, затем на второго. Они были похожи как две капли воды. – Я думала, вам позвонили. Я думала, вам сказали не приезжать.

– Да, сказали. – Харпер улыбнулась и чуть дернула плечами. – Но я все равно приехала. Если я получаю информацию о серьезном происшествии, мой долг – все проверить. Вы звонили на 999 в полчетвертого утра или около того? В отчете упоминается попытка похищения детей.

Лицо Лорен Трантер исказила гримаса, по щекам к подбородку покатились слезы, оставляя за собой мокрые, блестящие дорожки.

– Да, звонила.

Харпер ждала продолжения. В соседнем отсеке пищал какой-то аппарат, в коридоре слышались шаги, где-то хлопнула дверь. Лорен неуклюже вытерла нос тыльной стороной ладони, на ручке младенца, одетого в желтое, осталось влажное пятно от ее прикосновения.

– Но мне сказали, это все неправда, этого не было. Сказали, что мне все померещилось. Извините.

– Вы, наверное, очень сильно испугались.

– До смерти, – выдохнула Лорен. Она вглядывалась в лицо Харпер, точно искала в нем ответ на какой-то незаданный вопрос.

– Вы правильно сделали, что позвонили.

Харпер легонько дотронулась до ее плеча. Детей, лежавших у нее на руках, она даже не задела, но от этого простого прикосновения Лорен резко вскинулась, и младенец в желтом тут же распахнул глаза, резко вытянул ручки и ножки и на мгновение застыл, прежде чем вернуться в прежнее положение. Мальчик в зеленом повертел головой туда-сюда, упираясь затылком в руку матери, зевнул, свернул язык в трубочку, но глаз не открыл.

– Простите. Я немножко дерганая.

– Ничего страшного. Я понимаю, у вас была трудная ночь.

– Я ужасно устала. Мало спала прошлой ночью, да и вообще, с тех пор как они родились, почти не сплю. Но я не жалуюсь. Оно ведь стоит того, правда?

– Правда, – сказала Харпер. – Очаровательные малыши. Когда они родились?

– В субботу вечером. Морган в 8:17. – Лорен кивком головы указала на младенца в желтом. – А его братик в 8:21. Его зовут Райли.

– Чудесно, – сказала Харпер, мысленно перебирая подходящие к случаю банальности, чтобы заполнить паузу в разговоре. – Да, хлопот у вас теперь полон рот – с двумя-то разом.

Лорен, повернувшись к ней, вдруг спросила:

– А у вас есть дети?

Харпер сама не поняла, почему замешкалась с ответом. На этот вопрос у нее всегда готов был один и тот же стандартный ответ: «Нет, материнство – это не мое», который она произносила безапелляционным тоном, не допускающим дальнейших расспросов. Но в этот раз почему-то случилось иначе. Вопрос Лорен не был праздным, в нем не скрывался намек на пресловутые часики, которые, по мнению некоторых личностей, у Харпер тикают так давно, что, не ровен час, остановятся. Лорен имела в виду совсем другое, она спрашивала: «Вы хоть понимаете, что со мной произошло?» – и совершенно искренне, бесхитростно надеялась услышать в ответ: «Да, конечно». Нуждалась в том, чтобы услышать именно это. И под ее пристальным взглядом правда вертелась у Харпер на языке, готовая вот-вот сорваться. Но язык пришлось прикусить.

– Не то чтобы, – сказала она, и в ту же секунду поняла, как глупо это звучит. «Не то чтобы»? Что это вообще значит?

Лорен слегка нахмурилась, но ничего не сказала.

– У меня есть младшая сестра, – добавила Харпер. – У нас с ней очень большая разница в возрасте, и я, пожалуй, иногда думаю о ней как о дочери. Но вообще своих детей у меня нет.

Брови Лорен поползли вверх, она вдруг точно расфокусировалась, ее внимание рассеялось. Стала заметнее паутинка недавних морщин у нее под глазами – карта едва пережитых потрясений.

– Что случилось с вашим запястьем? – спросила Харпер через некоторое время. Когда она вошла в палату, кровавое пятно на повязке было совсем крохотное, с горошину, но за время их разговора расползлось до размеров монеты.

– Ну, она… Эта женщина, она… – Лорен выглядела растерянно. – Я не знаю.

– Вас кто-то поранил?

Лорен отвернулась к окну. По другую сторону парковки люди сновали туда-сюда через большие стеклянные двери, такие неоправданно высокие, что рядом с ними любой человек казался лилипутом. Двери все открывались и закрывались, открывались и закрывались, утреннее солнце вспыхивало, отражаясь в их глянцевой поверхности, и от этих вспышек перед глазами у Харпер плясали оранжевые пятна. Лорен смотрела на слепящий свет, широко раскрыв глаза.

– Тот человек, доктор Джилл, он сказал, я сама себя поранила.

– А вам как кажется, миссис Трантер?

– Мне кажется… – Лорен взглянула на детей, затем на Харпер. Такие большие глаза, печальные, перепуганные, полные слез. – Не стоит сейчас верить тому, что мне кажется.

Глава 7

Бледный лик ее преобразился,
Меркнущего солнца луч последний
Пробудил во взгляде удивленье,
Волосы ее озолотил.
Дочки обескровленные губы
Поцелуями она покрыла
И дитя с любовью приложила
К молоком сочащейся груди.
Джон Гринлиф Уиттьер. Подменыш

Десять утра, время посещений. Со своей больничной койки Лорен заметила приближающееся к ней мутное цветное пятно и попыталась сфокусировать взгляд. Пятно приняло знакомые очертания Патрика. Казалось, годы прошли с тех пор, как она видела его последний раз.

– Боже мой, – сказал он. – Что они с тобой сделали?

– Ничего страшного, все в порядке, – хотела ответить Лорен, но вместо слов из груди вырвались сдавленные рыдания, нечленораздельный, почти звериный вой и за ним череда слабых, еле слышных всхлипов. Патрик провел рукой по ее волосам.

– Тихо, тихо, милая, – сказал он почти шепотом.

В другом конце палаты вокруг постели миссис Гуч собралась ликующая компания родственников. Для старших Гучей притащили стулья. Двое маленьких рыжих детей крепко сжимали в руках ленты, к которым были привязаны блестящие серебристые шарики с ярко-розовыми надписями. «У нас девочка!» – радостно возвещали шарики, подрагивая под потолком. Один из их гордых хранителей уставился на Лорен и разинул рот так широко, что чуть не выронил леденец.

– Тихо, тихо, я понимаю, – бормотал Патрик, не подозревая о любопытном ребенке у себя за спиной.

Другая Лорен из прошлого уставилась бы на мальчишку в упор и пялилась, пока не отвернется. Новая, сломленная Лорен просто закрыла глаза.

– Мне оставили голосовое сообщение, но я его получил только утром. Что произошло?

Лорен не смогла сразу ответить. Ее захлестнула новая волна рыданий. Еще один рыжий мужчина, наверное какой-нибудь очередной дядя новорожденной малышки Гуч, вошел в палату с вычурным букетом лилий и принялся громко и радостно приветствовать собравшихся. Миссис Гуч указала взглядом на Лорен, и веселый мужчина спросил:

– Что такое? – И тут же, повернувшись в их сторону, смущенно добавил: – Ой…

Патрик поднялся и резко задернул штору, создав удобную для всех иллюзию уединения. Выждав немного, Лорен начала потихоньку выдавливать из себя слова.

– Не знаю, почему я до сих пор плачу. Я в порядке, скоро буду в порядке. Ничего не произошло. Просто схожу с ума, а так ничего страшного.

У нее вырвался безрадостный смешок. Она так и сидела, вцепившись в мужа, уткнувшись лицом ему в плечо, оставляя на его рубашке мокрые пятна слез и соплей. Вдыхала горьковатый запах его тела, мешавшийся с ароматом чайного дерева – от шампуня. Патрик пах домом.

– Лорен, солнышко мое. – Он взял ее лицо в ладони и ласково улыбнулся: – Так ты и раньше была сумасшедшая.

Его слова заставили Лорен рассмеяться по-настоящему, и дурные чары рассеялись. Они оба расхохотались, а затем Лорен вдруг снова начала плакать, и Патрик вытирал ей слезы дешевыми больничными салфетками из коробки на тумбочке. Дети их выглядели почти так же безмятежно, как дочка миссис Гуч. Лорен и правда не знала, почему никак не успокоится. Разве

можно плакать, глядя на двух чудесных мальчиков, которых они с Патриком произвели на свет?

Патрик подошел к кроватке.

– Доброе утро, малыши. Вы хорошо себя вели? – Он повернулся к Лорен: – Небось, всю ночь не давали спать?

– Конечно, они же дети.

Мир поплыл у Лорен перед глазами, веки внезапно отяжелели.

– Прости, – донесся откуда-то издалека приглушенный голос Патрика, и она удивилась: простить за что?

Когда она открыла глаза, Патрик сидел с другой стороны кровати. Странно, подумала Лорен, не помню, чтобы я засыпала. Несколько секунд просто выпали, точно кадры, вырезанные из кинопленки: щелк, и вот уже другая сцена.

– Я утром разговаривал с мамой, – говорил Патрик. – Она просила тебя поцеловать и передать, что ты молодец, большинство женщин просто сразу согласились бы на кесарево.

Лорен никогда не перестанет жалеть, что не поступила именно так. Прошлого не вернешь – того, как прошли роды, уже не изменить, не взять обратно свои опрометчивые решения, не переписать дурацкий «план родов». Но терзаться сожалениями это, увы, не мешает. Она, конечно, сама виновата, что не послушала совета врача, но и он мог бы поменьше сомневаться в ее силах и в благополучном исходе. Возможно, если бы он с самого начала в нее верил, все бы прошло нормально.

– Если бы мне предстояло рожать близнецов, – говорил он, – я бы выбрал кесарево сечение.

Бред. Откуда мужчине вообще знать, каково это, рожать детей?

– Спасибо, – холодно ответила она тогда. – Я подумаю.

А про себя тут же решила: мой организм и так прекрасно справится, пусть природа делает свое дело. Уж как-нибудь сумею выдавить из себя детей самостоятельно, женщины этим занимаются с начала времен. Ну насколько это может быть сложно? В конце концов, нас ведь всех кто-то родил?

Идиотка. Не очень-то много она сумела самостоятельно. Все роды просто плыла по течению на спасательном круге достижений современной медицины. Вот медики, они все сумели: бесчисленные безымянные медсестры, акушерки, доктора – без их помощи она бы умерла, и дети тоже. А сама она только все портила.

– Ты у меня настоящая героиня, – сказал Патрик. – Ты заслужила медаль.

«Ничего я не заслужила», – подумала Лорен, но все же улыбнулась, пытаясь не выдать своих терзаний.

Через некоторое время Патрик спросил:

– А когда ты думаешь возвращаться домой?

– Не знаю, – ответила Лорен. – Как только разрешат.

– Тебе не нужно никакое разрешение, можешь просто выписаться.

Эта идея казалась немыслимой. Лорен была уверена, что выписать имеет право только врач.

– Сама?

– Конечно. Ты же не в тюрьме.

Домой. Она может поехать домой.

– Я хочу домой, – сказала она.

– Так поехали!

Лорен изумленно уставилась на мужа.

– Серьезно?

– Ну да, почему нет? Я привез детские кресла. Пойду принесу их из машины.

– Если честно, Патрик, я не думаю, что меня отпустят. У меня ведь было кровотечение, меня опять увозили в операционную…

– Отпустят, конечно. Сейчас ведь ты в порядке?

– Вроде бы.

– Ну вот.

– А еще же транквилизаторы, – сказала Лорен. – По правде говоря, мне кажется, я еще немного под кайфом.

Патрик внимательно вгляделся в ее зрачки.

– Хм, – промычал он. – Как ты себя сейчас чувствуешь?

– Уже лучше.

– Мне не рассказали, что произошло. Сообщили только, что ты сильно разнервничалась и тебе дали успокоительное. С тобой что-то случилось?

Да, подумала Лорен. Кто-то пытался забрать наших малышей. Я убежала и спряталась. Никто ничего не видел. А потом оказалось, что это все неправда, всего лишь галлюцинация. Но выглядело так правдоподобно.

– Лорен?

Она сидела, уставившись в одну точку, не видя ничего перед собой. Сколько времени прошло? Лорен попыталась вспомнить, о чем ее спрашивал Патрик.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что ты можешь поговорить об этом со мной, что бы там ни случилось. Что было-то?

Ее обдало холодом, на мгновение ослепило вспышкой яркого света. Снова почудился тот затхлый рыбный запах. По телу побежали мурашки, каждый волосок на руках встал дыбом. Могло ли все это случиться на самом деле?

– Ничего, – ответила она, – ничего особенного. Мне примерещилось что-то. Показалось, что в палату кто-то пробрался, хотя тут явно никого не могло быть. Сейчас это уже не важно.

– Разумеется, важно. – Патрик подался вперед, всем своим видом изображая участие. – Звучит жутко. Ты имеешь в виду, это было как сон наяву или что?

– Вроде того. Только я не спала. Я вообще почти не спала эти три дня…

– А, ну так теперь ясно, в чем дело. Никакая ты не сумасшедшая, просто надо хорошенько выспаться.

Точно, в этом-то все и дело. Это же очевидно.

– В больнице невозможно нормально спать, – продолжал Патрик. – Тут ужасно душно и шумно. Я читал недавно статью про недосып, в общем, высыпаться как следует очень важно, гораздо важнее, чем кажется. Хотя это и ежу понятно.

На Лорен навалилась усталость, придавила ее к жесткому матрасу. Веки сделались ужасно тяжелыми, в глазах защипало.

– Такое чувство, что я больше никогда не смогу нормально выспаться.

– Ой, не переживай. Это не навсегда, всего несколько недель потерпеть. Потом сможешь спать лучше.

Это казалось невероятным.

– Правда? Всего несколько недель?

– Так мама сказала. Вроде как я перестал просыпаться среди ночи после шести недель.

– Серьезно?

– А если поедешь домой, там будет своя кровать, своя ванная. И я буду рядом, чтобы тебе помогать.

Картинка рисовалась ужасно заманчивая, но Лорен не чувствовала себя вправе вот так взять и уехать. Она ведь пациентка, ее обязанность – лежать в больнице и получать лечение.

Всего за два дня, проведенные в этой палате, она будто бы потеряла право собой распоряжаться.

– Я хочу, но не уверена, что готова. Может, мне лучше остаться еще на пару дней…

Патрик взял ее за руку, с которой еще даже не сняли катетер для капельницы.

– Лорен, милая, родить ребенка – это большое дело, а родить сразу двоих – вообще подвиг. Но дома тебе все-таки будет лучше. Мне не нравится, что ты остаешься тут одна, а потом начинаешь видеть всякое и посреди ночи слетаешь с катушек. Я хочу быть рядом, знать наверняка, что с тобой все в порядке.

Лорен вспомнила, как внезапно у нее открылось кровотечение. Будь она дома, могла бы и умереть. По ее щеке скатилась слеза, упала на больничную сорочку. Они теперь все время так близко, эти слезы.

– Думаю, мне лучше остаться здесь, – сказала Лорен и про себя добавила: поближе к врачам и лекарствам.

– Но ты же ненавидишь больницы. И потом, не обижайся, но от тебя уже пахнет. За тобой здесь никто не присматривает. Тебе хоть раз предложили хотя бы ванну принять?

О ванной Лорен и думать не хотела. Она не могла туда вернуться. От одного этого слова страх опять зашевелился внутри, события прошлой ночи ожили в памяти: вот она снова сидит в ванне, качает на руках детей под моргающим светом люминесцентных ламп и тут запертая на замок дверь внезапно распахивается. На пороге темная фигура. Лорен кричит что есть мочи: «Нет-нет-нет-нет-нет! Не подходи! Не подходи ко мне!» Но это вовсе не та отвратительная женщина с черным, свисающим изо рта языком, это всего лишь медсестра, а позади нее незнакомый мужчина в зеленой униформе и еще какие-то люди, еще медсестры, врач – все заходят и заходят, набиваются в крохотную комнатку, а Лорен никак не может перестать кричать, ищет глазами тень, притаившуюся в толпе.

– Где она? Где та женщина с корзиной? Уберите ее от меня! Я туда не пойду, я не пойду, я не…

– Там никого нет, – настаивает чей-то голос. – Посмотрите сами.

И разношерстная толпа расступается, открывая ей обзор.

Лорен тогда очень долго и напряженно всматривалась в палату сквозь открытую дверь. Что-то постоянно мелькало на периферии зрения. Вот какое-то жуткое существо свисло вверх ногами с потолка и давай ковыряться длинными скрюченными пальцами в вентиляционной решетке, но, стоило посмотреть прямо на него, оказалось, что это всего лишь обрывок паутины. Или мусорное ведро – пока Лорен глядела в сторону, оно обернулось демоном, припавшим к земле, но, едва его заметили, превратилось обратно в ведро. Медсестра все повторяла: «Постарайтесь дышать помедленнее», и так Лорен узнала, что дышит слишком быстро. Сердце ее колотилось как бешеное и, казалось, готово было разорваться.

Какой-то человек – как она узнала потом, это был доктор Джилл, – поднес к ее губам маленький бумажный стаканчик с двумя синими таблетками. Мгновение спустя таблетки оказались у нее во рту, а перед лицом возник еще один стаканчик, с водой, чтобы запить.

– Что это вы мне дали? – спросила она, держа таблетки во рту.

– Они помогут вам успокоиться и начать мыслить ясно, – ответил врач.

Лорен с трудом сглотнула. Таблетки застряли в горле, наполняя рот горечью, даже вода не помогла. Но паника потихоньку отступала. Жуткая нищенка исчезла.

– Вы в безопасности, миссис Трантер, давайте выбираться из ванны.

Лорен отказалась выпустить детей из рук, поэтому встать ей помогли медсестры – кое-как подняли ее на ноги и поддержали, пока она переступала через бортик. За распахнутой дверью виднелся тот самый злополучный пустой отсек. Штора, прежде закрывавшая его, теперь была отодвинута к стене, как и весь день накануне. За окном уже расцвело утро и окрасило комнату в сливочно-желтый цвет.

Кругом было чисто, нигде ни единого пятнышка, но Лорен все равно чудился прелый запах плесени. Чьи-то сильные руки подталкивали ее к кровати, мимо того кресла, где ночью сидела женщина. Нет, где ей привиделась ночью какая-то женщина. Проходя мимо, зажатая между охранником и медсестрой, в каждой руке по ребенку, Лорен краем глаза увидела, а может, ей просто показалось, как из середины бледно-зеленого сиденья, извиваясь, двигаясь практически синхронно, вылезли три омерзительные многоножки, вроде чешуйниц. Она услышала, или, вернее, ей послышался, частый, мелкий топот их крошечных ножек, который, впрочем, стих, как только они переползли к краям и скрылись в щелях между сиденьем и подлокотником.

– Лорен? Ты в порядке? – голос Патрика звучал приглушенно, точно через стену.

Очертания палаты и людей вокруг потеряли фокус, превратились в размытые цветные пятна.

Лорен вдруг поняла: если женщина с корзиной ей не привиделась, значит, она может вернуться. Ведь в первый раз ее никто не остановил, никто даже не видел: ни пациенты, ни медсестры. Утром, после ухода детектива Харпер, Лорен осторожно спросила миссис Гуч, не видела ли она ночью кого-нибудь в палате. Кого-то, кого там не должно было быть. Миссис Гуч медленно покачала головой и выдала долгое тягучее «нет», которое явно намекало, что сам вопрос показался ей абсурдным.

– Я слышала, как вы, эм… кричали, – добавила она. – От этого и проснулась. Я не видела толком, что происходит, штора была задернута, но не думаю, чтобы сюда пробрался кто-то посторонний. Отделение на ночь запирают, и охрана тут есть. А вы сейчас… в порядке?

– Да, все нормально, – ответила Лорен и, услышав, как дрожит ее голос, поспешила улыбнуться.

Миссис Гуч нервно кашлянула, и Лорен передумала спрашивать, слышала ли она пение прошлой ночью. Дальнейшие расспросы ее только сильнее встревожат.

Значит, эта ужасная нищенка не так проста. Знает, как проскользнуть мимо охраны, чтобы ее не заметили. Получается, надо ехать домой – там она не додумается искать, туда уж точно не явится за Лорен и детьми. Вот и ответ.

Но это если нищенка на самом деле существует. Успокоительное и дневной свет позволили Лорен отодвинуть от себя события прошлой ночи, посмотреть на них со стороны. Ей, конечно, казалось, что все происходит по-настоящему, но, если подумать, как это может быть правдой? Случись что-то такое на самом деле, кто-нибудь непременно заметил бы эту мерзкую женщину. Миссис Гуч разбудило бы ее пение, а не крики Лорен из ванной. В их палату не так-то просто попасть: внизу дверь с магнитным замком, а в коридоре пост медсестер, мимо которого надо как-то пробраться. Нет, это совершенно невозможно. Но если это невозможно, значит, все происходило у нее в голове. И продолжит происходить, где бы она ни находилась. С той только разницей, что дома нет синих таблеток.

Мир вокруг резко вернулся в фокус. Лорен увидела перед собой взволнованное лицо Патрика.

– А вдруг это опять случится? – сказала она. – Вдруг я опять начну видеть всякое или…

Патрик ласково покачал головой:

– Тихо, успокойся. Давай решать проблемы по мере поступления. Не будешь же ты торчать здесь до тех пор, пока не станешь нормальной. Так вообще никогда не уедешь.

Эту последнюю фразу, как и все свои шутки, Патрик произнес с каменным лицом, и Лорен не сразу поняла, что он не всерьез. У него на губах заиграла озорная улыбка, он ждал ее смеха. Но она не засмеялась. Не в этот раз. Слишком уж большая в этой шутке доля правды. Вдруг ее на самом деле будут держать здесь, пока не сочтут, что она снова в себе? Может, и правда лучше уехать сейчас, пока есть возможность.

Глава 8

Харпер опустилась в рабочее кресло и положила на стол раскрытый блокнот.

– Джо! Где тебя носило, черт побери?

Она захлопнула блокнот и, натянув самую очаровательную из своих улыбок, повернулась к детективу-инспектору Траппу, который стоял в дверном проеме, заполняя его почти полностью. На нем был серый костюм и галстук, уже, как обычно, сбившийся набок. Трапп потянулся к узлу, чтобы ослабить его еще немного. К концу для он этот галстук развяжет и станет носить на шее, точно шарфик, перекинув один конец через плечо, – всегда так делает.

– Извините, шеф, просто проверяла кое-какую зацепку.

– Фил Грегсон сказал, что ты пришла в семь и умчалась через двадцать минут. Сейчас без двадцати десять. Я вообще-то тебя ждал.

– Все так, сэр. Ночью из больницы поступило сообщение о попытке похищения детей. Ездила взять показания у потерпевшей.

– Какое еще похищение?

– Оказалось, что в общем-то никакое, сэр. У женщины просто случился нервный срыв или что-то вроде того.

– А из больницы не могли об этом сообщить? Какой приоритет стоял в отчете?

– Мне просто показалось, что все это немного странно. Как будто что-то нечисто. Но проверить стоило, на всякий случай.

Трапп продолжал хмуриться:

– Джо, я тебе уже говорил, прежде чем бежать сломя голову и брать показания у кого попало, дождись моих указаний. У нас тут куча бумаг, с которыми надо разобраться, а времени на них нет. И не забывай про тренинг, надеюсь, ты к нему подготовилась. В больницу можно было и патрульных послать.

Трапп, конечно, прав. Наверное, стоило отправить за показаниями патрульного. А уже потом, если бы всплыло что-то интересное, начинать расследование. Но ведь через этот испорченный телефон и половины информации не доходит. Совсем другое дело – лично смотреть в лицо потерпевшему: угадывать, что скрывается между строк, прислушиваться к долгим паузам, ловить виноватые взгляды. Лорен Трантер, конечно, ни в чем не виновата, и все же Харпер могла бы целый блокнот исписать заметками о том, чего она не сказала вслух.

Невинно улыбаясь, Харпер похлопала ладонью по стопке бумаг в контейнере для входящих:

– Не переживайте, сэр, я как раз в процессе.

Она крутанулась в кресле, разворачиваясь к монитору, щелкнула мышкой – экран загорелся. Краем глаза она следила за Траппом: тот ненадолго задержался в дверях, затем тяжело вздохнул, покачал головой и вышел.

Как только он скрылся из виду, Харпер схватила сумку и, порывшись в ней, достала диск, который передал ей охранник больницы. Сунула его в дисковод, подождала несколько секунд, и на экране появилось зернистое изображение больничного коридора. В правом нижнем углу отображалось время – 03:38. За стойкой на сестринском посту сидела Антея Мэллисон, акушерка, – ровно в той же позе, в которой Харпер обнаружила ее много часов спустя, приехав в больницу. Она ссутулилась перед компьютером, экран заливал ее лицо бледным светом, который на видео с камеры казался зеленым.

Какое-то время Харпер смотрела запись. Ничего не происходило, только часы в углу медленно отсчитывали минуты. Она перемотала до 04:15. Вот оно. Что-то пронеслось по коридору к третьей палате, где лежали миссис Трантер и миссис Гуч, – этот же путь через несколько часов проделает сама Харпер. Она отмотала назад, посмотрела снова. Вроде бы что-то похо-

жее на грызуна… Промелькнуло всего на мгновение: моргни – и пропустишь. Акушерка не двинулась с места, так и смотрит в монитор. А их как будто целая стая, по крайней мере точно больше одного. Пронеслись прямо под носом у Антеи Мэллисон, а она и бровью не повела.

Харпер отсмотрела весь фрагмент по кадрам и остановилась на том месте, где три смазанные тени проскользнули по коридору, почти сливаясь в одну, – будто большая черная рыба проплыла. Тень большой рыбы. А может, это и была всего лишь тень? Никто не пробегал по полу, просто какое-нибудь насекомое пролетело мимо лампочки под потолком – поэтому и Антея Мэллисон никак не отреагировала. Может, мотылек, или муха, или что-то в этом роде. Харпер еще раз посмотрела отрывок на нормальной скорости. Встряхнула головой, снова отмотала назад. Это вообще мог быть просто-напросто дефект записи, какая-нибудь помеха. Но тогда почему у нее при виде этой помехи волосы на затылке встают дыбом?

Мэллисон говорила, что вышла в туалет как раз перед тем, как у Лорен случился срыв, и именно поэтому не заметила ничего необычного, хотя миссис Трантер, должно быть, наделала немало шума, когда в панике запиралась в ванной с детьми. Действительно, в 04:21 акушерка оставила пост и пошла в туалет. В 04:29, когда Лорен позвонила на 999, ее все еще не было на месте. Харпер вглядывалась в монитор, словно надеясь услышать, что происходит на записи, но видео было без звука. Прошло еще шесть минут, прежде чем акушерка вернулась на пост. Усевшись за стол, она продолжила печатать. Еще через минуту, в 04:37, в кадр ворвался охранник Дейв. Выходит, действительно добежал минут за пять, если предположить, что пару минут до этого он потратил на разговор с диспетчером. Он с разбегу наткнулся на стойку и едва не перелетел через нее – еще немного, и протаранил бы Антею Мэллисон головой. Затем оба бросились в третью палату и исчезли из виду. Где-то за кадром они сейчас пытаются вытащить Лорен из той самой ванной, откуда она звонила. Ужасно досадно, что в самой палате камеры нет. Вот бы можно было посмотреть, что именно там происходило с 04:15 до 04:29. Что бы это ни было, Лорен за эти минуты пережила ужасное потрясение.

Харпер задумалась, с какой стати ее так волнует то, что не попало на камеру. В конце концов, по словам медсестры, все реальные потрясения Лорен пережила задолго до этого момента: сперва роды, затем кровотечение, а после еще и страшный недосып. Может, и к лучшему, что нет записи из палаты. Кому нужно смотреть, как измученная женщина теряет рассудок?

Но все-таки эти тени. Харпер поежилась. Что-то здесь нечисто.

Она взяла конверт для следственных материалов и, заполнив все поля, положила внутрь копию записи с камеры наблюдения. Необходимо узнать, что за тени мелькают на записи, а криминалисты могут в этом помочь. Добравшись до графы «утверждено к исполнению», она ненадолго замешкалась, оглянулась по сторонам и, убедившись, что рядом никого нет, уверенным росчерком поставила в ней подпись детектива-инспектора Траппа, приписав рядом его идентификационный номер.

Затем она повернулась обратно к экрану и открыла письмо с записью ночного звонка Лорен, которое прислали из архива. В больнице, отвечая на вопросы Харпер, миссис Трантер не очень-то откровенничала, и не только потому, что была накачана успокоительными по самые брови. Она намеренно недоговаривала. Возможно, удастся что-нибудь понять, послушав запись ее разговора с оператором. Может, хоть это наконец успокоит внутренний датчик Харпер, без умолку сигналящий об опасности.

Его можно было бы назвать «чуйкой», но Харпер это слово не нравилось – звучало избито, как в дешевом детективе. Просто у нее была хорошо развитая интуиция, подсказки которой могли порой идти наперекор фактам, но при этом почти никогда не подводили – в этом она за годы работы успела убедиться. Впрочем, руководство этой ее интуиции не очень-то доверяло: по ее наводке действительно иногда удавалось арестовать преступника, но, как правило, в момент ареста не было ни ордера, ни как следует оформленной доказательной базы.

Трапп еще не отошел от недавнего дела, улики по которому Харпер собрала не вполне традиционным способом.

Тем вечером, когда она возвращалась с работы, ее внимание привлекло кое-что подозрительное. На обычно пустой парковке заброшенного склада, мимо которого она проезжала каждый день, стояла машина, и не какая-нибудь, а весьма примечательная – желтый «мерседес», принадлежавший одному из подозреваемых по делу о мошенничестве, над которым Харпер работала. Она припарковалась поодаль и одна, без подкрепления, подобралась к зданию. Разговор, происходивший внутри, она записала на диктофон, не имея на это разрешения, а затем, пропустив часть со стандартным полицейским предупреждением, вышибла дверь. Двое мужчин за дверью стояли перед огромным грузовым контейнером контрафактных сигарет и секунду назад были заняты обсуждением суммы, которую полагалось за него заплатить. Харпер прекрасно знала, что черный рынок табачной продукции имеет связи с организованной преступностью и замешан в финансировании террористов. Причастных к этому людей – тех, кого она поймала, – не волновало, что эти сигареты содержат кучу примесей: асбест, крысиное дерьмо, плесень. Эксплуатация детского труда на фабриках, где их делают, тоже не слишком беспокоила продавцов. Для них это были легкие деньги – куда проще и безопаснее, чем торговля наркотиками. Даже если грузовик остановят, собаки на таможнях не сигареты ищут.

Одним из переговорщиков был их подозреваемый, за которым следили почти год. Другим оказался местный бизнесмен с обширными связями, на которого у полиции официально ничего не было, кроме нескольких случаев, когда он едва не попался, и личного дела почти в дюйм толщиной. Их арест стал большим событием, особенно когда контейнер разгрузили и выяснилось, что в нескольких коробках в самом центре лежали не сигареты, а кокаин – больше десяти килограммов. Одна только загвоздка: арест был произведен без ордера, а единственное доказательство вины – запись разговора – получено без разрешения от вышестоящего офицера.

Надев на задержанных наручники и затолкав их на заднее сиденье машины, Харпер позвонила Траппу:

– Мне нужно устное разрешение на установление слежки.

– Обращайся к Хетерингтону. У меня нет таких полномочий.

– Я думала, что в экстренной ситуации вы можете дать разрешение, сэр. Когда с суперинтендантом не удается связаться, а разрешение нужно срочно.

– Насколько срочно?

– Как бы так выразиться… Задним числом.

Выволочку он ей устроил страшную. Поначалу вообще наотрез отказался помогать и едва не предоставил ей самой расхлебывать последствия – и для этого дела, и для собственной карьеры. Но в итоге его получилось уболтать: мол, Хетерингтон точно дал бы разрешение, да только не было времени с ним связаться, действовать пришлось быстро, в распоряжении у нее были считаные секунды. В общем и целом разрешение – это ведь не более чем бюрократическая формальность, которую легко уладить и задним числом, правда? Промедление могло им дорого обойтись: товар бы отправили, подозреваемый залег на дно еще на полгода, а того, второго, может, и вовсе бы никогда не поймали.

В конце концов Трапп скрепя сердце выписал разрешение, указав, что связаться с Хетерингтоном было невозможно. Время в отчете он подправил, чтобы на бумаге все выглядело законно и запись можно было использовать как доказательство в суде. Обоих подозреваемых в итоге приговорили к тюремному сроку. Харпер была уверена, что Трапп останется доволен таким раскладом. Но нет. Он делал вид, что ее вообще не существует. Когда материалы дела передавали в суд, суперинтендант обратил внимание на отчет, но в итоге все равно поставил свою подпись – с Траппом они были давними приятелями, вместе играли в гольф. Но ситуация для обоих вышла неловкая, и Трапп до сих пор злился, что ему пришлось просить об

одолжении, которое выставляло его далеко не в лучшем свете. Наверное, так и будет злиться до скончания века.

Когда дело закрыли и Харпер получила все заслуженные поздравления, Трапп в наказание на одиннадцать недель отстранил ее от оперативной работы – пришлось сидеть в участке и перекладывать бумажки. Спасибо, хоть дисциплинарное слушание не устроили.

Впрочем, виноватой она себя не чувствовала. Несмотря ни на что, она знала, что поступила правильно, и, более того, была уверена, что, случись нечто подобное снова, все равно доверилась бы своей интуиции и поступила точно так же.

Но вот с этим похищением детей все было куда сложнее. Дети сбивали ее внутренний радар – настолько, что она сомневалась в собственной способности правильно считывать сигналы. Даже не могла толком разобраться, почему ее так волнует это дело: то ли она действительно верит в существование преступника, которого необходимо задержать, то ли просто не может смириться с тем, что детям угрожает какая-то, пусть даже гипотетическая, опасность.

– Джо, собирайся.

На пороге снова возник Трапп.

– Что случилось, сэр?

– Вызов на Келхэм. Патрульные уже на месте, но им нужна помощь. Можешь сесть за руль.

– А что там случилось?

Детектива-инспектора довольно редко вызывают на место происшествия. Только в случаях чрезвычайной важности: например, если захватили заложников или какая-нибудь преступная группировка разбушевалась и необходимо, чтобы кто-то координировал операцию на месте.

– Какой-то парень залез на крышу старого завода. Изначально сообщалось о попытке самоубийства, но, похоже, ситуация обострилась.

– В каком смысле обострилась?

– Ну, нельзя же просто тихонечко покончить с собой, так? Куда интереснее заодно разрушить целое здание и отправиться на тот свет в хорошей компании. Народу чтоб побольше, может, даже парочку полицейских для полного счастья. Говорит, у него бомба. И требует, блин, вертолет.

– Зачем ему вертолет, сэр?

– А я откуда знаю? Может, всегда мечтал взорвать вертолет. О господи, только этого мне и не хватало.

Харпер сунула в карман блокнот и, перекинув сумку через плечо, вскочила и направилась к выходу.

– Стой, – сказал Трапп.

– Что такое?

– Снимай к черту эти дурацкие тапки. Сейчас же.

– Простите, шеф.

– Утром ты тоже в них была?

– Эм… – Харпер стянула резиновые кроссовки с пальцами и надела вместо них приличные туфли. – Нет?

Трапп только покачал головой и продолжал качать ею всю дорогу до лифта. Чтобы его нагнать, Харпер пришлось перейти на бег – все-таки высокий рост дает ощутимую прибавку к скорости ходьбы.

Пока они, петляя по городу, спускались в долину, чтобы предотвратить катастрофу и восстановить порядок, компьютер на столе Харпер моргнул и ушел в спящий режим. Письмо из архива с записью звонка Лорен потихоньку уходило на дно: вскоре свежие непрочитанные

письма окончательно погребут его под собой и вытеснят в царство вечного забвения – на вторую страницу входящих.

Глава 9

Тело лежало на тротуаре: конечности вывернуты в разные стороны, голова размозжена, кровь расползается темной бесформенной лужей, тянется к водостоку извитыми черными щупальцами. Харпер хотела было подойти, но ее остановил полицейский в форме:

– Извини, Джо, надо дождаться, пока с ним закончат саперы.

Черная нейлоновая куртка, в которую был одет человек, лежавший на тротуаре, второй кожей липла к его телу, вернее, к тому, что от него осталось. Но порядок есть порядок. Через пятнадцать минут саперная бригада подтвердила то, что и так было вполне очевидно: никакого взрывного устройства под курткой нет и никогда не было. Как только дали отбой, Харпер подошла, закрыла глядящие в пустоту глаза и помогла накрыть тело, прежде чем его поместили в мешок и увезли в морг.

Из журналистов первой на место происшествия приехала старая знакомая Харпер – Эми Ларсен, ведущий корреспондент местного еженедельника «Шеффилд мейл». Она делала репортажи с места событий едва ли не обо всех делах, над которыми Харпер успела поработать за последние три года. Явилась она, как всегда, при полном параде: в юбке-карандаше и на каблуках – само олицетворение шика и элегантности. Харпер, когда ей под нос сунули диктофон, вздохнула и попыталась улизнуть, но Эми решительно последовала за ней.

– Что полиции известно об этом парне? Понятно, что толкнуло его на такой поступок?

– Пока ничего толком не известно, – ответила Харпер. – Он был совсем молод, лет двадцать с небольшим. Вот и все, чем мы сейчас располагаем.

– И это просто трагическое самоубийство? Никаких альтернативных версий? – Судя по ироническому тону, сама Эми в этом сильно сомневалась.

– Мы еще выясняем обстоятельства. Чтобы делать выводы, сначала нужно хотя бы установить личность жертвы. Но на данный момент нет оснований полагать, что к этому причастен кто-то еще.

– Тогда зачем вызвали вооруженное подкрепление?

– Боюсь, что этого я сказать не могу.

Эми закатила глаза и вздохнула:

– А что ты можешь сказать?

– Что мы имеем дело со смертью при невыясненных обстоятельствах. Пожалуй, все.

Она, конечно, могла бы сказать и побольше, но годы работы в полиции научили ее в разговорах с журналистами по возможности обходить острые углы. Для прессы полагалось делать самые общие заявления и делиться только самой тривиальной информацией. Эми это прекрасно знала. Для них обеих это было чем-то вроде игры – перебрасываться вопросами и ответами, как волейбольным мячом: коварный журналист все пытается подать крученый, а невозмутимый офицер полиции стоически отражает атаки.

– Да ну брось, Харпер. Это ведь не просто самоубийство? С каких пор полиция перекрывает дороги и эвакуирует людей из здания ради какого-то там прыгуна с крыши? Я, по-моему, и саперов видела. Вы что, думали, у него бомба?

Харпер накрыла диктофон ладонью.

– Прощу прощения, но мне больше нечего рассказать. Мы даже имени его еще не знаем.

Эми вновь закатила глаза, выключила диктофон и убрала его в сумку, но так и осталась стоять рядом с Харпер, уперев руки в бока.

Мимо проехала машина, пассажир таращился на них с заднего сиденья, по-рыбьи выпучив глаза. Дорога уже была свободна – пожарные час как уехали, патрульных машин почти не осталось. Строго говоря, с тех пор как увезли тело, смотреть тут было особенно не на что, но

это, конечно, никого не останавливало. Люди вообще любопытные – им подавай историю во всех пикантных подробностях, чем пикантнее, тем лучше. Как раз для этого и нужна Эми – выкапывать эти самые подробности и делиться ими с общественностью на страницах «Шеффилд мейл». На ее беду у Харпер в этот раз рот на замке, только Эми это вряд ли остановит – изобретательности ей не занимать. В этом Харпер успела уже не раз убедиться с их первой встречи – в Аттерклиффе несколько лет назад, когда там обнаружили тело неизвестной женщины. Причину смерти установили не сразу, убийство было одной из версий. Эми явилась на место происшествия со своим неизменным блокнотом, размахивая налево и направо журналистским удостоверением. По замусоренному переулку ей пришлось буквально продираться в совершенно не подходящих для этого туфлях на каблуках. Вскоре выяснилось, что погибшая женщина была наркоманкой и умерла от случайной передозировки героина, но ее личность установить так и не удалось. При ней нашли только серебряную подвеску с кулоном в форме сердца. Кошелек и телефон ее кто-то забрал, а подвеску оставили – скорее всего, из-за необычной гравировки: такую вещь даже на черном рынке сбыть непросто. На обратной стороне кулона стояли дата и имя: Холли-Мэй.

В списках пропавших без вести никого с таким именем не значилось, а у полиции не было лишних ресурсов, чтобы бросаться расследовать каждую случайную ненасильственную смерть, поэтому, как только пришел отчет от патологоанатома, детектив-инспектор снял Харпер с этого дела. Погибшую бы так и не опознали, если бы через неделю Харпер, все еще возмущенная тем, что у нее забрали дело, не столкнулась с Эми на месте другого преступления.

– Мне не дают вести расследование, мол, финансирования нет. Издевательство какое-то. Теперь тело так и будет лежать в морге до скончания века.

– Можно мне взглянуть на подвеску?

Харпер не возражала.

Она успела почти забыть об этом случае к тому моменту, как журналистка явилась в участок и, прошествовав к столу Харпер на своих неизбежных каблуках, торжественно вручила ей листок с адресом родителей погибшей женщины.

– Как ты его достала?

– Я упорная, – ответила Эми, пожав плечами.

И поведала Харпер о том, как обзванивала местных ювелиров, одного за другим, тратя на это по двадцать минут ежедневно, и всего через каких-то четыре месяца нашла того самого, кто сделал гравировку.

– С тебя выпивка, – сказала Эми с улыбкой, которая заставила Харпер задуматься, что именно она имела в виду. Пропустить по стаканчику как друзья? Или как коллеги? А может, еще как-то? Повисла пауза, а когда их взгляды на секунду встретились, между ними что-то пробежало. Харпер ощутила это – теплое, ноющее чувство внизу живота. Она могла бы дотронуться до руки Эми и сказать: «Само собой, давай встретимся где-нибудь вечером» – и прояснить этот вопрос раз и навсегда. Но что-то заставило ее отступить от привычного сценария.

С тех пор при каждой встрече с Эми Харпер порывалась пригласить ее на свидание, но так и не решилась. Это невысказанное желание висело между ними, и Харпер продолжала думать об этом, причем, как ей казалось, куда чаще, чем следовало бы. Вот и сейчас подумала. Она понятия не имела, чего ждет, знала лишь, что Эми ей нравится. Возможно, даже слишком. И в этом таилась опасность – такие чувства невозможно контролировать, они становятся тем сильнее, чем отчаяннее пытаешься от них избавиться, чем настойчивее убеждаешь себя, что от них одни страдания и хаос, что их необходимо, жизненно важно игнорировать. Один раз она уже послушала свое сердце, когда была слишком молода и еще не знала, на какие крошечные осколки оно может разбиться. Этой ошибки она не повторит. Кроме того, у них с Эми прекрасные деловые отношения, было бы жаль их испортить.

Эми взглянула на офицеров в форме, загружавших фургон, и Харпер заметила, что она уже присматривается к каждому, пытаясь угадать, из кого можно будет вытянуть что-нибудь интересное, воспользовавшись своим женским обаянием.

Затем она снова повернулась к Харпер и, нахмурившись, подошла ближе – настолько близко, что Харпер явственно ощутила запах ее духов. Эми пристально вгляделась в ее лицо.

– Ну, выкладывай.

– Что выкладывать? – спросила Харпер.

– Что-то случилось. Рассказывай.

– Да день просто был какой-то дурацкий.

– Да? В смысле, помимо вот этого всего? – Эми махнула рукой в сторону рабочих, которые за ее спиной поливали тротуар из шлангов.

Харпер кивнула. Она задумалась, что именно может рассказать Эми о деле Лорен Трантер, не дав ей повода решить, что это очередная история, о которой можно написать в газете.

– Мы можем поговорить как друзья?

– Конечно, – ответила Эми.

– Сегодня рано утром кто-то пытался похитить из родильного отделения двух младенцев. Близнецов.

Эми тотчас запустила руку в сумку в поисках диктофона.

– А вот это уже новости. Расскажи мне все.

Харпер остановила ее, ухватив за запястье.

– Нет, не могу. В смысле, это вообще-то была ложная тревога. Не о чем рассказывать.

– Тогда зачем рассказываешь?

Хороший вопрос.

– Не знаю.

Она все еще сжимала запястье Эми, и та, на мгновение опустив взгляд, едва заметно улыбнулась и вздернула брови. Харпер поспешно убрала руку, краснея. На теплой, мягкой коже Эми осталась маленькая розовая отметина, которую ей хотелось погладить. А может, и поцеловать.

– Прости, – пробормотала она и вгляделась в лицо Эми, пытаясь понять, что между ними происходит, если что-то происходит, конечно. Но момент, по-видимому, был упущен.

– Что-то я не пойму, Джоанна. Ты же всегда такая собранная, когда дело касается работы. Только что вон подошла и закрыла мертвому парню глаз. Вот этими вот руками. Я бы так не смогла.

– Ну, у всех есть свои уязвимые места. Самоубийство я еще могу вынести, но когда детей похищают… Меня это задевает за живое.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга и Харпер думала: вот оно. Сейчас Эми спросит, и я ей все выложу. Спросит: «Почему это задевает тебя за живое, Джоанна? У тебя ведь нет детей». А я скажу: «У меня была дочь. Но я ее потеряла. Я была совсем девчонкой и не понимала, чем это обернется. Даже не представляла, что у меня есть право выбора. Сама добровольно отдала ее, и это было все равно что отдать часть себя: руку или половину сердца. Я давно решила, что никогда не буду об этом думать, – пришлось, иначе не выжить. Но иногда забываюсь, вспоминаю снова, и чувство такое, что это было вчера, что я должна ее вернуть, иначе меня это будет грызть вечно. Хотя я уже на двадцать шесть лет опоздала со своими потугами что-то изменить».

Где-то позади них хлопнула дверь фургона. Последние полицейские расходились по машинам, принимая по рациям новые вызовы. Эми сказала:

– Слушай, мне надо успеть перекинуться парой слов с кем-нибудь из этих ребят, пока они не уехали. Давай как-нибудь встретимся и выпьем кофе? Завтра или на следующей неделе? Будем на связи!

– Да, конечно, – ответила Харпер, глядя вслед Эми, которая, с диктофоном, зажатым в кулаке, уже рванула за одним из полицейских. – Напиши мне! – крикнула она, но Эми была слишком далеко, чтобы услышать.

Глава 10

Одни считают, что те, кого забрали фейри, живут в довольстве, счастливы, окружены музыкой и весельем. Другие же уверяют, что они постоянно тоскуют по родным, оставшимся в мире людей. Леди Уайлд пересказывает мрачное поверье, будто существуют два вида фейри: одни веселы и добры к людям, другие свирепы и ежегодно похищают смертных, чтобы принести в жертву Сатане.
У. Б. Йейтс.
Ирландские народные легенды и сказки

19 июля
Шесть дней от роду
Первая половина дня

Они жили в одном из сотен прилепившихся друг к другу двухэтажных каменных домиков с двумя спальнями, что выстроились шеренгами на склонах восьми городских холмов. Их возводили в начале прошлого века для семей шахтеров и сталеваров, а теперь в них селились в основном студенты, молодые пары и бессемейные белые воротнички, искавшие жилье в приятном районе – не в центре, конечно, бюджет не позволит, но и не совсем уж на окраине.

Когда Патрик и Лорен решили съехаться, им посчастливилось найти дом, окна которого выходили не на еще один ряд таких же домов, а на маленькую рощицу, за которой, немного ниже по склону, лежало небольшое игровое поле, и еще чуть дальше – баскетбольная площадка. Из окон большой спальни на втором этаже открывался вид на долину и заброшенный лыжный поселок на вершине соседнего холма. Поселок смотрелся весьма уныло, но необъятное переменчивое небо сполна компенсировало этот недостаток.

Со своего места на низеньком диванчике у окна в гостиной Лорен не видела ничего, кроме этого неба, слепяще синего, но начавшего едва заметно тускнеть по краям, подернутого прозрачной дымкой перистых облаков и исчерканного белыми шлейфами самолетов.

Поток гостей, сразу после возвращения Лорен наводнивший дом, истощился быстро – на следующий день он превратился в тоненький ручеек, а сегодня утром и вовсе никто не приходил. В доме было совсем тихо. Младенцы спали, лежа бок о бок в переносной плетеной колыбельке, стоявшей на ковре. Прекрасные, безупречные создания. То, как они надували губки и причмокивали во сне, приводило Лорен в восторг, она вся светилась от гордости и обожания. Ей было жаль всех тех мамочек, которых она видела в роддоме, – ведь их дети были такими обычными, такими непримечательными. Скорее всего, другие матери ей завидовали. Оно и понятно, все хотят себе таких же идеальных малышей, как Морган и Райли.

На Лорен внезапно навалилась усталость. Она позволила себе закрыть глаза, и сознание тут же начало ускользать. Ничего не стоило провалиться в сон, но она заставила себя разлепить веки. Засыпать опасно, особенно когда дети спят. Что, если, пока она мирно дремлет, ни о чем не подозревая, в дом проберется похититель, схватит колыбельку и утащит с собой? Мальчики проснутся в чужом доме, вокруг чужие люди. А когда сама она проснется, вокруг не будет никого и ничего – только зияющая пустота там, где прежде было ее сердце. Лорен тяжело поднялась с дивана и, пройдя через кухню, подошла к задней двери – еще раз убедиться, что она заперта. На всякий случай вытащила ключ из замка и положила его в шкафчик. Затем вернулась в гостиную, проверила замки входной двери и только после этого села обратно на диван. Ее внимание тут же переключилось на окна. Внизу все закрыто. А наверху? Не осталось ли приоткрытым окно в ванной? Чтобы к нему подобраться, придется, конечно, повозиться с лестницей, но ведь в принципе через него можно пролезть? Лорен попыталась сама себя урезонить. Сказала себе: ты в безопасности. Ты можешь поспать. Если что, Патрик наверху.

За несколько минут в дом никто не заберется. Она легла на ковер, накрыв колыбельку рукой. Еще не зажившая рана на запястье напомнила о себе пульсирующей болью, но, когда тело расслабилось, боль начала стихать. Веки Лорен сомкнулись.

С улицы донесся звук шагов, и она вздохнула, предчувствуя очередную порцию вежливой болтовни ни о чем с кем-нибудь из соседей или, если явилась жена еще одного приятеля Патрика с работы, неловких благодарностей за подарки. Она была им всем очень признательна и все такое, но именно в этот момент не испытывала ни малейшего желания общаться с кем бы то ни было. Может, притвориться, что не слышала звонка? Она замерла, прислушиваясь к дыханию близнецов, сопевших чуточку вразнобой: вдох-вдох, выдох-выдох. Шаги замедлились, затем остановились, Лорен услышала шелест бумаги. А потом человек за дверью, кем бы он ни был, развернулся и поспешил прочь – каблуки торопливо застучали по дорожке. Когда Лорен открыла входную дверь, она увидела лишь пустынную улицу, а на пороге – коробку, завернутую в подарочную бумагу. Коробку она подняла и занесла в дом.

Патрик, успевший спуститься на кухню, судорожно рылся в куче хлама на столе, что-то ища.

– Ты не видела мою зарядку? – спросил он, и в следующую секунду обнаружил ее под коробкой из-под пиццы.

– Очень странно, – сказала Лорен. – Кто-то оставил подарок под дверью и убежал, даже не постучав. Я слышала шаги.

Она протянула мужу коробку, завернутую в голубую бумагу с динозаврами.

– Ну-ка, давай посмотрим.

Патрик взял коробку в руки и, перевернув ее, обнаружил открытку, приклеенную скотчем. Пока он возился с открыткой, Лорен разорвала бумагу.

– Э-э-э, – протянула она, разглядывая подарок. – Ну, это что-то… новенькое.

Она держала в руках миниатюрную модель комнаты, вроде тех, что так нравились ее бабушке: как бы забавная сценка – животные в человечьих одежках, целая семейка, сидят за маленьким столиком и пьют чай. Лорен поднесла игрушку поближе к лицу, чтобы рассмотреть, и тут же отшатнулась: от ее липкой поверхности исходил едва уловимый, но неприятный запах, очень напоминавший запах мочи. Животные в комнатке оказались крысами, их вытянутые морды выглядели зловеще. Крыса-отец в деловом костюме курил трубку, а мать в розовом переднике с воланами подавала ему кусок торта, на который уставились дети-крысята. Совершенно одинаковые. Близнецы. Все они ухмылялись и глядели в сторону, точно замышляли что-то гадкое и с нетерпением ждали возможности осуществить свои планы. Модель была сделана из мягкого пластика и расписана вручную – художник поставил подпись на ярлычке, приклеенном к днищу. Ограниченная серия, 100 экземпляров. «Могли бы и посильнее ограничить», – подумала Лорен.

Все поздравительные открытки они с Патриком держали на виду – натянули леску вдоль стены в гостиной и развесили их одну за другой, точно праздничные флажки. Патрик уже забрался на стул, чтобы пополнить коллекцию, но Лорен попросила:

– Дай посмотреть.

И он спустился обратно, недовольно вздохнув.

Открытка тоже оказалась на крысиную тему – фотография настоящего гнезда с новорожденными крысятами, едва открывшими глаза. Они лежали рядышком, сморщенные, покрытые прозрачным пушком, и прятали свои крошечные носики в розовых лапках. Внутри ни слова, только имя.

– Кто такая Наташа? – спросила Лорен.

Патрик задумался, нахмурив брови.

– А-а, – сказал он. – Это новая девочка с работы. Пришла всего пару недель назад. Она, похоже, решила, что нам нравятся мыши.

– Крысы, – ответила Лорен. – Это явно крысы, Патрик. И, судя по всему, она их обожает. – Лорен нервно хихикнула, но Патрик, казалось, не нашел в этом ничего смешного. – Не понимаю все-таки, почему она не постучала.

– Постеснялась, наверное. Она странненькая, если честно.

– Это я заметила.

Ровно в этот момент раздался стук в дверь. Лорен поставила игрушку на столешницу и пошла открывать, ожидая увидеть за дверью застенчивую странную девушку из офиса Патрика. Но вместо нее на пороге стояли Синди и Роза, с которыми она познакомилась на курсах для беременных. Обе пока еще с животами – огромными, должны родить со дня на день. Лорен предложила выпить чаю, Синди и Роза, к некоторому ее огорчению, отказываться не стали. Патрик освободил диван, собрав раскиданные бумаги и горы стираного белья, заварил чай и сообщил, что пойдет прилечь, чтобы «дать девочкам поболтать».

– Патрик, пока ты не ушел, – сказала Синди, – можешь, пожалуйста, посмотреть, не оставила ли я подарки снаружи? Точно помню, держала пакет в руках, когда выходила из машины, а потом, видимо, поставила куда-то.

Патрик открыл дверь. На ступеньке сбоку стоял блестящий зеленый пакет.

– Да, он, – сказала Синди. – Я сейчас такая забывчивая. Тут просто пара пустячков для мальчиков и маленький подарочек для тебя.

Патрик протянул пакет Лорен и скрылся наверху, плотно притворив дверь в спальню. В пакете лежали два подарка в упаковке, а между ними – какая-то старинная книга с золоченым обрезом.

– Не стоило тратиться, – сказала Лорен. – Спасибо большое.

Она запустила руку в пакет, но Синди ее остановила:

– Не открывай сейчас, там правда пара пустяков, мне даже неловко, честно.

– Да брось, это так мило с твоей стороны. Открою потом, когда Патрик спустится.

Женщины принялись ворковать над спящими детьми и рассказывать Лорен, которой никогда не надоедало слушать об этом, какие у нее прекрасные малыши. Затем спросили о родах.

– Роды? – повторила она, скользнув взглядом по туго натянутым на их животах майкам для беременных. Она понимала, что придется соврать, и боялась показаться неубедительной. – Ну, было не так уж и страшно.

– А со щипцами как? – спросила Роза, пристроив чашку с чаем на животе.

Лорен поджала губы, обдумывая ответ:

– Их не чувствуешь. Перед операцией вкалывают анестезию, так что там все отключается.

При слове «операция» обе беременные явно занервничали: Синди тут же затараторила о невыносимой жаре, мол, сколько же можно, и Роза с радостью подхватила более безопасную тему. Они обсудили погоду, бюстгальтеры для кормления, детские ванночки, какой лучше купить стерилизатор, какие выбрать подгузники (Роза подумывала о многоразовых). Когда чай кончился, они засобирались и, уже стоя на пороге, по очереди обняли Лорен.

– Еще раз спасибо за подарки, – сказала она. – Я уже хочу познакомить Моргана и Райли с вашими малышами. Чуть-чуть осталось, девочки.

– Надеюсь, – сказала Синди, массируя поясницу. – Потому что я правда уже больше не могу.

Лорен подумала, что не отказалась бы вернуться в то время, когда и сама была просто счастливо беременна, как сейчас Синди и Роза. Никаких страхов и забот, все опасности снаружи, в большом мире. Она хотела сказать им: «Наслаждайтесь каждой минутой», но по собственному опыту знала, как сильно раздражают беременных такие советы. И понимала, что им обеим уже невыносимо хочется наконец взять своих малышей на руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.